

М. Д. РАБИНОВИЧ

СТРЕЛЬЦЫ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

I

В нашей исторической литературе твердо установилась точка зрения Н. Г. Устрялова, что стрелецкое войско было полностью уничтожено в конце XVII и в самом начале XVIII в. «Едва ли кто из них,— писал о московских стрельцах Н. Г. Устрялов, — дожил до времен полтавских... Со времени бунта в Астрахани городовые стрельцы перевелись и место их везде заступили солдаты»¹.

Несостоятельность подобной точки зрения бросается в глаза вся кому, кто соприкасался с архивными материалами первой четверти XVIII в., хранящимися в ЦГАДА и ЦГВИА. Ошибка Устрялова коренится в том, что он отождествлял указы правительства Петра I об уничтожении стрелецкого войска с реальной действительностью, которая не позволила претворить эти указы в жизнь. Последующие историки безоговорочно брали на веру утверждения Н. Г. Устрялова, и созданная им легенда о ликвидации стрелецкого войска почти столетие бытует в нашей исторической науке.

Поэтому необходимо, установив намерения петровского правительства по отношению к стрелецкому войску, проследить также, в какой степени их удалось осуществить.

Намерения петровского правительства достаточно четко изложены в «Гистории Свейской войны», многократно редактированной самим царем: «Приехав в Москву учинен был разыск о помянутом стрелецком бунте (1698 г. — М. Г.)... и по заслуге того зла большая часть их казнены, а прочие в Сибирь посланы, по том имея недоверствие о прочих того для все полки стрелецкие скасованы и распущены по городам, куды кто похотел»².

В какой же степени эти мероприятия были реализованы?

Австрийский дипломат И. Корб, бывший очевидцем событий, связанных с репрессиями против стрельцов, писал в своих мемуарах: «В Москве, в той самой части города, где тянулись дворцовые строения царей, дома стрелецкие занимали огромное пространство, но после последнего мятежа и смертной казни стольких тысяч стрельцов и дома их, по царскому приказанию, совершенно разрушены, разметаны и опрокинуты, чтобы и помину не было о нечестивой крамоле»³.

¹ Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. III, СПб., 1858, стр. 245.

² «Журнал или поденные записки...», ч. 1, СПб., 1770, стр. 2—3.

³ И. Корб. Дневник поездки в Московское государство, М., 1867, стр. 245.

Данные о раздаче стрелецких дворов и земель можно найти в московских переписных книгах 1734—1745 гг.⁴. В районе от Смоленских ворот до Земляного города и по Большой Арбатской улице до Арбатских ворот, а также по Большой Никитской улице насчитывалось 149 бывших стрелецких дворов⁵, в районе от Пречистенских ворот до Земляного города, от Москвы-реки до Большой Арбатской улицы — 147 дворов⁶, в районе Якиманки — 171 двор⁷, в районе Тверской — 103 двора⁸, в районе Сретенки — 99 дворов⁹, в районе Басманной — 11 дворов¹⁰, в районе Бутырской — 34 двора¹¹.

Кому же были переданы после выселения московских стрельцов их земли и дворы? В числе владельцев стрелецких земель встречаются фамилии видных сановников петровского времени: А. Д. Меншикова (1700 г.), фельдмаршала Б. П. Шереметева (1718 г.), адмирала Н. Ф. Головина и графа Ф. И. Головина (1704 г.), генерал-поручика А. К. Зыкова (1722 г.), обер-фискала Желябовского, которому принадлежало четыре участка (1712—1713 гг.), стольников В. И. Кошелева (1700 г.), В. П. Каманина (1702 г.) и И. И. Желобова, которому принадлежало три участка (1711—1714 гг.).¹²

Ряд стрелецких дворов и земель был передан различным приказным и канцелярским служителям: подьячemu приказа Большого дворца Н. Терасимову (1701 г.), секретарю В. Протопопову, получившему два участка (1705 г.), канцеляристу Конюшенной слободы А. Борисову (1704 г.), канцеляристу Земского приказа Шибаеву (1706 г.), канцеляристу Московской подрядной конторы Л. Белову (1710 г.), подьячим Земского приказа И. и П. Степановым (1712 г.), секретарю приказа Большого дворца Шурлову (1710 г.), подьячemu провиантского приказа И. Яковлеву (1721 г.).¹³

Некоторое количество стрелецких земель и дворов получили военнослужащие гвардейских полков. В переписных книгах встречаются фамилии подполковника Пущина (1702 г.), капитана Д. Рагульского (1703 г.), поручика И. Голикова (1713 г.), солдата А. Семенова (1712 г.).¹⁴

Среди других владельцев земли и дворов, ранее принадлежавших стрельцам, встречаются купцы, ремесленники, священнослужители, лекарские и пушкарские ученики, сторожа и т. д.

Раздача стрелецких земель занималась Стрелецкий приказ, а после его ликвидации — Земский приказ¹⁵. В отдельных случаях раздачу стрелецких земель и дворов производили другие учреждения: приказ Большого дворца (1714 г.), Адмиралтейств-контора (1722 г.), Московская

⁴ См. «Переписные книги г. Москвы, составленные в 1737—1745 гг.», тт. I—VIII, М., 1881—1898.

⁵ Там же, т. I, стр. 378—431.

⁶ Там же, стр. 431—502.

⁷ Там же, т. II, стр. 118—150.

⁸ Там же, т. III, стр. 2—11.

⁹ Там же, т. V, стр. 277—304.

¹⁰ Там же, т. VI, стр. 105—108.

¹¹ Там же, т. VII, стр. 517—530.

¹² См. там же, т. I, стр. 301, 384, 387, 437, 452—453, 494, 495; т. V, стр. 289, 301; т. VIII, стр. 521.

¹³ Там же, т. I, стр. 459, 491, 494, 495; т. V, стр. 291, 294; т. VIII, стр. 520—521, 527.

¹⁴ Там же, т. I, стр. 461—462; т. V, стр. 290, 291, 298; т. VIII, стр. 520.

¹⁵ ЦГАДА, Разрядные вязки, в. 46, д. 43, лл. 10 об.—11. В 1701 г. в ведении Земского приказа в Москве состояло 16 397 стрелецких дворов (ЦГАДА, Ближняя канцелярия, оп. 39, д. 26, л. 4).

подрядная канцелярия (1710 г.), московское губернское камерирскоеправление (1719 г.).¹⁶

Некоторые выселяемые московские стрельцы и их родственники, вопреки распоряжениям петровского правительства, сами передавали свои земельные участки и дома другим лицам. Так, копиист Герольдмейстерской конторы И. Дуров владел своим участком стрелецкой оброчной земли «по поступной от его бабки А. Федоровой 198 году ноября 6 дня»¹⁷. Купецкий человек В. Артамонов предъявил переписчикам документ о том, что он владел своим участком стрелецкой земли по данной от прежних владельцев¹⁸.

Весьма скоро бывшие стрелецкие участки превратились в предмет купли и продажи. Например, уже 17 мая 1700 г. псаломщик И. Ефремов продал по купчей предоставленный ему участок стрелецкой земли¹⁹. В 1706 г. подьячий Я. Былинский продал свой участок бывшей стрелецкой земли по купчей П. Тулупову²⁰.

Таким образом, задумав полную ликвидацию стрелецкого войска, правительство Петра I приступило к реализации своего замысла. К лету 1700 г. московские стрельцы и их родственники были выселены из столицы, их дома и земли были конфискованы и поступили в массовую раздачу служилому и посадскому населению.

Посмотрим, как же на практике осуществлялись замыслы петровского правительства о ликвидации стрелецкого войска.

II

К лету 1698 г. в Русском государстве было 49 стрелецких полков, в том числе 20 полков московских стрельцов.

Московские стрелецкие полки дислоцировались следующим образом: в районе Великих Лук — четыре полка (Федора Колзакова, Афанасия Чубарова, Ивана Черного, Тихона Гундемарта), в Азове — шесть полков (Ивана Каницева, Ивана Озерова, Дмитрия Воронцова, Мартимьяна Сухарева, Венедикта Батурина, Михаила Воронцова), в Киеве — четыре полка (Ивана Ушакова, Ивана Нечаева, Ивана Скрипицына, Михаила Сухарева), в Белгороде — три полка (Василия Елчанинова, Михаила Кривцова, Ильи Дурова) и «зборный» полк Петра Головина в городах Белгородского разряда, в Севске — один полк (Степана Стрекалова), в Astrakhan — один полк (Ивана Спешнева).²¹

Дислокация городовых стрелецких полков рисуется следующим образом: в Казанском разряде — девять («семистенный», «красный», Гляковского, Добычина, Банковского, Ржевского, Старицкого и еще два полка неустановленного наименования)²², в Астрахани и на Тerekе — девять полков (коенные: Михаила Зажарского, Никиты Зажарского, Якова Пехова; пешие: Бориса Карапетова, Михаила Карапетова, Дмитрия Голочалова, Ильи Некрасова, Петра Козлова, Белобокова)²³, в Курске — полк Алексея Чичагова, в Путинске — головы Григория Мещкова, в Архангельске и в Кольском остроге — четыре полка (Михаила Кривцова, Федосия

¹⁶ Переписные книги, т. I, стр. 387, 423, 494—495; т. V, стр. 289; т. VII, стр. 520—521.

¹⁷ Там же, т. I, стр. 448—449.

¹⁸ Там же, т. VII, стр. 521.

¹⁹ Там же, т. I, стр. 442.

²⁰ Там же, стр. 417.

²¹ ЦГАДА, Разряд, столбы Белгородского стола, д. 1725, лл. 234, 235, 260, 278—280.

²² ЦГАДА, Книги приказных дел Поместного приказа, д. 5123(89), лл. 369—379.

²³ ЦГАДА, Госархив, разр. VI, д. 17, лл. 14—65, 96—97.

Козина, Осила Деревецкого и один неустановленного названия²⁴, в Пскове — два полка (Юрия Вестова и Данилы Загоскина)²⁵, в Новгороде — три полка (Захария Вестова, Мирона Баишева, Федора Баишева)²⁶.

Кроме того, существовали стрелецкие гарнизоны численностью меньше полка, которые были расквартированы в ряде внутренних и порубежных городов Русского государства.

После мятежа 1698 г. в четырех стрелецких полках, расквартированных в районе Великих Лук, начался розыск, в ходе которого с 30 сентября по 21 октября 1698 г. было казнено 799 «пущих заводчиков», оставлено для дальнейшего следствия 29 человек, освобождено по малолетству 193 человека. Остальных 2671 участника восстания были включены в состав «зборного» полка стольника и подполковника, позднее полковника Семена Шеншина и были сосланы в Новогородицк на Самаре на «вечное житье». За ссыльными были сохранены стрелецкие звания и денежное и хлебное жалование, положенное московским стрельцам. Стрелецкий полк Шеншина упоминается в документах до 1709 г. и был, очевидно, расформирован между 1709 и 1711 гг.²⁷.

На примере судьбы этих полков видно, что Петр I, стремясь обезвредить своих противников, сурово расправлялся с главными организаторами мятежа, но по отношению к остальным, менее активным участникам движения ограничивался их высылкой, не лишая их стрелецкого звания и всех вытекающих отсюда привилегий.

Эта же политическая линия проводилась в отношении участников волнений 1699 г. в Азове. Азовские события 1699 г. являлись откликом московского мятежа 1698 г. Они детально рассмотрены в капитальном исследовании М. М. Богословского «Петр I»²⁸. Однако, нарисовав общительную картину происходивших в Азове волнений, Богословский, на наш взгляд, сделал совершенно неверные выводы об их размахе и характере. 28-ю главу своей работы он назвал «Дело азовского старца Дия», сведя тем самым волнения в Азове к делу об одном из его участников, старце Дие, а в отношении волнений в целом он приходит к таким заключениям, которые совершенно не вытекают из всего хода исследования. «Как видим,— пишет он,— дело на Дону и в Азове далее толков, пересудов и, самое большое, словесно высказанных намерений не пошло, никаких действий предпринято не было. Толки эти были как бы отдаленным эхом московских событий лета 1698 г.»²⁹.

Между тем известен ряд показаний привлеченных к розыску по азовским событиям лиц, которые сознались в том, что они в сравнительно узком кругу обсуждали конкретные меры по организации восстания, что бесспорно свидетельствует о наличии антиправительственного заговора. То, что в Азове заговор в силу ряда причин — нерешительности заговорщиков, изолированности азовских стрельцов, быстрых мер, принятых царскими властями по его пресечению,— не перерос в вооруженное восстание (как это имело место, скажем, под Москвой в 1698 г. или в Астрахани в 1705 г.), принципиально не меняет сути дела.

²⁴ ЦГАДА, Разряд, столбцы Белгородского стола, д. 1890, л. 661; столбцы секретные Преображенского приказа, д. 186(876), лл. 1—4.

²⁵ ЦГАДА, Разряд, книги Новгородского стола, д. 70, лл. 214—217.

²⁶ ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. 1, д. 17, л. 143; д. 19, к. 25.

²⁷ ЦГАДА, Ближняя канцелярия, д. 168, л. 37; Разряд, столбцы Белгородского стола, д. 1725, лл. 235, 280, 514; д. 1890, л. 507.

²⁸ М. Богословский. Петр I, т. III, стр. 175—195.

²⁹ Там же, стр. 192.

Приведем несколько показаний участников азовских событий о причинах волнений и намерениях заговорщиков. Объясняя причины волнений, стрелец стреянского полка Нестор Бугаев показал: «Нам, стрельцам, ни на Москве ни в Азове жития нет. На Москве от бояр, что они у них хлеб отняли без указу (лишили хлебного жалования). — М. Р.), а в Азове — от немец, что они на городовой работе их бьют и заставляют их работать безвременно». Он же, Нестор, говорил: «на Москве бояря, в Азове немцы, в воде черти, в земле червей»³⁰.

О намерениях азовских заговорщиков стрелец Давид Тихонов из полка Протопопова показал следующее: «Был умысел и слово такое: ити было к Москве всем стрелецким полкам и учинить бунт и побить бояр да и все стрелецкие полки к Москве ити для бунту и бояр побить хотели»³¹.

Стрелец Парфен Тимофеев из полка Протопопова, узнав о подавлении стрелецкого мятежа 1698 г. под Москвой, призывал своих товарищей: «Мочко было нам за свою братию и постоять для того, что их братия напрасно пропадает»³² и пояснял в другом месте своих показаний, что он понимает под словом «постоять»: «Когда де бунтовал Разин, и я де ходил с ним», и что «еще он, Парфен, под старость тряхнет»³³.

Следовательно, в Азове имели место серьезные волнения, носившие антиправительственный характер, охватившие основную массу тамошних стрельцов и могущие при благоприятных обстоятельствах перерасти в крупное восстание, к которому могла примкнуть гольтьба на Дону и других местах, где еще очень свежи были воспоминания о восстании Степана Разина.

В столбцах Преображенского приказа сохранился ряд розыскных дел, рисующих отношение стрельцов из разных местностей к московским и азовским событиям. Следует оговориться, что следственные материалы Преображенского приказа не могут считаться вполне достоверными. Как правило, их трудно проверить другими документами, далеко не во всех случаях можно отделить ложный донос от правды, признание под пытками от оговора соучастников или самооговора. Однако мы не можем совершенно игнорировать этот источник, поскольку он является единственным материалом, позволяющим судить об откликах, вызванных стрелецкими мятежами и волнениями 1698—1699 гг.

В 1699 г. из извета Ивана Лукьянова, попа московского стрелецкого полка Михаила Кривцова видно, что стрельцы, несшие гарнизонную службу в Таване и Казыкермене, по соглашению с личным составом других тамошних полков, хотели убить своего подполковника Селиверста Незнамова и идти в Москву «избить бояр»³⁴.

Большой интерес представляет розыскное дело по обвинению ссыльных московских стрельцов Ивана Селиверстова и Петра Кривцова, сдавшихся в вологодской тюрьме в связи с событиями 1698—1699 гг. Иван Селиверстов обвинялся в том, что он якобы сказал бывшему солдату Преображенского полка Ивану Рокотову: «Стрельцов во всех сторонах еще осталось много... Торчать де ему, государю, от них, стрельцов, на копьях». Петру Кривому инкриминировалось заявление о том, что «ныне де их братью, стрельцов, прирубили всех, только де их браты

³⁰ ЦГАДА, столбцы секретные Преображенского приказа, д. 408(1158), л. 12—12 об.

³¹ Там же, л. 7.

³² Там же, л. 3.

³³ Там же, лл. 2 об.—3.

³⁴ Там же, д. 66 (732), лл. 171—195.

много осталось во всех сторонах, а кто де их заставил рубить, и у того де голова его чуть на нитке (на нитке.—*M. P.*) держитца»³⁵. Во время следствия по делу о Петре Кривом, в ходе которого он упорно запирался, на обвиняемого поступил второй извет, исходивший от заключенной Аксинии Обросимовой, которой Кривой будто бы заявил, находясь в вологодской тюрьме: «На Москве зубы есть, будет у нас в руках и тот, кто нас пластил и вешал и на колесы сажал. Собравшись все будем на Москве, и самому ему, государю, торчать на коле».

После шести пыток Петр Кривой сознался в своих прежних связях с Шакловитым и в замыслах поднять восстание курских стрельцов, «чтоб собравшись остальными стрелецкими полками и призывать себе на помощь донских казаков и итить к Москве, и, возмутя чернь, чинить бунт и его, государя, убить». Далее Петр Кривой винился в попытках установить связь с другими заключенными, ссыльными, беглыми и находившимися в посадах стрельцами. Кроме того, он показал, что якобы был связан с царевной Софьей, которая будто бы прислала в Курск письмо. Показания Петра Кривова были настолько важны, что 9 мая 1700 г. он был взят в Семеновское для личного допроса Петром I³⁶. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Планы Петра Кривова и его сообщников в отношении совместного выступления стрельцов и казаков могли найти подготовленную почву на Дону. Из другого следственного дела Преображенского приказа видно, что в это время в казачьих городках ходили слухи: «Хотят над нами учинить так же, что и над стрельцами», и поэтому казаки были готовы, соединясь со стрельцами, «пойти на низ», т. е. в Поволжье³⁷.

Имели достаточные основания и слова Петра Кривова насчет «стрелецких зубов», т. е. мстителей, которые могли бы отомстить петровскому правительству за казенных стрельцов. Выражение о «зубах» было, очевидно, крылатым и долго бытовало среди стрельцов и их родственников. Так, в 1702 г. по совершенно другому поводу была арестована стрелецкая жена Екатерина Егорова, которая якобы заявила, указывая на находящегося у нее на руках младенца: «Боярам за их насмешку отсмеются дети их (стрельцов.—*M. P.*). Щука умерла, а зубы остались»³⁸.

Крутяя расправа над стрельцами взволновала и другие слои населения. Крестьянин Пахом Епифанов утверждал: «Пора государю в угольную яму за то, что он, государь, мир весь воевал и стрельцов старых перевел неведомо за что»³⁹. Другой крестьянин, Иван Никитин, обвинял Петра I в том, что он «стрельцов всех перебил, а ныне стал и нас разять, берет даточных».

Какая же участь постигла стрелецкие полки азовского гарнизона?

После волнений над активными участниками событий началось следствие, затянувшееся до 1705 г. В ходе этого следствия большинство «зачинщиков» было казнено или заключено в темницу. В отношении остальных стрельцов в ноябре 1699 г. последовал указ: «Московских полков стрельцы ныне из Азова отпущены в разные города, посады и из тех полков, по его, великого государя, указу, мастеровые люди оставлены в Азове на вечное житье»⁴⁰. Кроме того, из полков было ото-

³⁵ ЦГАДА, столбы секретные Преображенского приказа, д. 88 (734), л. 7.

³⁶ Там же, д. 103 (764), лл. 1—21.

³⁷ Там же, д. 173 (841), лл. 1—7.

³⁸ Там же, д. 374 (1121), л. 1.

³⁹ Там же, д. 277 (986), л. 7.

⁴⁰ ЦГАДА, Разряд, столбы Белгородского стола, д. 1890, л. 357.

брано 111 человек, которые были включены в «зборный» стрелецкий полк стольника и полковника Петра Головина⁴¹. Что касается остальных стрельцов, то указ об их перечислении в посад фактически остался на бумаге. Во всяком случае пять из шести азовских стрелецких полков существовали в начале XVIII в. на правах московских стрелецких полков.

Раньше других прекратил свое существование стрелецкий полк И. Канищева, который был переведен в Севск и в 1700 г. переформирован в одноименный солдатский полк⁴². Стрелецкие полки И. Озерова и М. Протопопова были переведены в Смоленск, где их «пожаловали» в солдаты, но до 1702 г. эти полки не были расписаны по рогам⁴³. Стрелецкий полк В. Батурина был с начала Северной войны переведен на театр военных действий, где принимал участие в сражениях под Нарвой и Дерптом. В 1706 г. он был расформирован и его личный состав влит в Каргопольский солдатский полк⁴⁴. Самым «живучим» оказался стрелецкий полк Д. Воронцова, который был переведен в Белоруссию, нес гарнизонную службу в Быхове и других западных городах. В 1706—1708 гг. он участвовал в операциях против шведов и просуществовал до 1713 г., когда его переформировали в ландмилицийский полк⁴⁵. Что касается полка М. Сухарева, то он, возможно, был расформирован в 1700 г.

Московские стрелецкие полки стольников и полковников Ивана Нечаева, Ивана Ушакова, Ивана Скрипицына и Михаила Ушакова были посланы в Киев на вечное житье⁴⁶. В 1702 г. полк Ивана Нечаева был направлен в Батурик в распоряжение гетмана, где был расформирован, и его люди влиты в стрелецкий полк Григория Анненкова. Остальные полки несли гарнизонную службу в Киеве. В 1707 г. они в составе гетманских войск действовали против шведов, а в 1711 г. принимали участие в Прутском походе. В 1711 г. три киевских стрелецких полка были переформированы в гарнизонные солдатские полки.

Московские стрелецкие полки стольников и полковников Василия Елчанинова, Ильи Дурова, Михаила Кривцова были высланы после стрелецкого мятежа 1689 г. на «вечное житье» в Белгород. 13 января 1700 г. эти полки были расформированы, и стрельцы, занимавшиеся ремеслами и промыслами, приписаны к посаду. Из остальных были сформированы два стрелецких полка Василия Елчанинова и Ильи Дурова (затем Мартемьяна Сухарева). Полки эти с начала Северной войны были откомандированы в состав действующей армии, участвовали в сражении под Нарвой и в 1706 г. были расформированы, а люди их влились в Каргопольский солдатский полк⁴⁷.

Московский стрелецкий полк стольника и полковника Степана Михайловича Стрекалова числился на «вечном житье» в Белгороде. С начала Северной войны он был направлен на фронт. В 1700 г. он сражался под Нарвой, в 1703—1705 гг. находился в составе корпуса П. М. Апраксина и нес гарнизонную службу в Ладоге и Нарве. В 1706 г. этот полк был расформирован и его люди влиты в Каргопольский солдатский полк⁴⁸.

⁴¹ ЦГАДА, Разряд, столбы Белгородского стола, д. 1725, л. 280.

⁴² ЦГАДА, Ближняя канцелярия, д. 52, лл. 222—228.

⁴³ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 56, л. 9.

⁴⁴ ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. 1, д. 17, л. 143.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 56, л. 4; разр. VI, д. 28, л. 19.

⁴⁷ ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. 1, д. 17, л. 143; д. 19, л. 25.

⁴⁸ ЦГАДА, Разряд, Смотренные книги, д. 77, лл. 46—49; д. 79, л. 2.

Стрелецкий полк Петра Головина был расформирован в 1700 г., а его люди влиты в состав киевских и белгородских стрелецких полков⁴⁹.

Сразу же после мятежа 1698 г. определилась судьба девяти стрелецких полков Казанского разряда. Все они были расформированы и на их базе было создано пять жилых солдатских полков полковников Александра Шарфа, Тимофея Бордовика, Андрея Шарфа, Юрия Буша и Дениса Сербина⁵⁰.

В 1705—1706 гг. все 10 астраханских и терских стрелецких полков приняли участие в астраханском восстании и были расформированы после его подавления⁵¹.

Стрелецкий полк стольника и полковника Алексея Чичагова был определен на «вечное житье» в Курск после московского мятежа 1689 г. и поэтому в документах обычно именуется «Московский выписной полк». В 1700—1708 гг. он нес службу в Курске, Каменном затоне, Казыкермене, в 1708 г. принимал участие в подавлении булавинского восстания и между 1709 и 1712 гг. был расформирован. Путинский стрелецкий полк головы Гаврилы Мешкова нес до 1706 г. гарнизонную службу в Путинске и Новогородице на Самаре, затем был расформирован⁵².

Два псковских и три новгородских стрелецких полка с начала Северной войны были включены в состав действующей армии и участвовали в сражениях под Нарвой и Дерптом. Псковские стрелецкие полки Данилы Загоскина (затем Василия Козодавлева) и Юрия Вестова в 1705 г. были переформированы в солдатский полк Неклюдова.

Новгородские стрелецкие полки Федора Баишева и Мирона Баишева в 1706 г. влились в состав гарнизонных солдатских полков. Новгородский стрелецкий полк стольника и полковника Захария Вестова был в 1708 г. переформирован в Ямбургский солдатский полк⁵³.

Три архангелогородских стрелецких полка были переформированы в 1699 г. в солдатские полки, два из которых, Михаила Кривцова и Федосия Козина, были переведены в 1700 г. в Москву для несения гарнизонной службы⁵⁴.

Несший гарнизонную службу в Кольском остроге стрелецкий полк Осипа Деревецкого, в котором насчитывалось около 500 стрельцов, в 1699 г. также был переформирован в солдатский полк. Однако здесь переформирование произошло не столь гладко и в полку вспыхнуло восстание. Восстание это, явившееся запоздалым откликом московских и азовских событий 1698—1699 гг., совершенно неизвестно в нашей исторической литературе, и поэтому мы остановимся на нем более подробно.

Кольский воевода Иван Воронецкий всячески злоупотреблял своим должностным положением. В розыском деле Преображенского приказа имеются копии ряда челобитных на его незаконные действия, поданных стрельцами, кольскими жителями, духовенством и лопарями.

Кольские стрельцы и горожане были на воеводу целом в Новогородский приказ и приказ Большой казны, что он занимался незаконной спекуляцией вином в Кольском остроге и деревнях Кольского уезда, отнимал «у стрельцов и у тамошних... промышленных людей рыбу треску и сало. И с тое трески и сала собирается государева ефимковая казна немаяла...», а они, всяких чинов жители, от ево, Иванова (Воронецкого). — M. P.)

⁴⁹ ЦГАДА. Разряд, столбцы Белгородского стола, д. 1725, лл. 274—278.

⁵⁰ ЦГАДА. Книги приказных дел Поместного приказа, д. 5123 (89), лл. 7—10.

⁵¹ ЦГАДА. Госархив, разр. VI, д. 17, лл. 97—98.

⁵² ЦГАДА. Разряд, Смотренные книги, д. 83, л. 59.

⁵³ ЦГАДА. Кабинет Петра I, отд. 1, д. 17, л. 143; д. 34, л. 91 об.

⁵⁴ ЦГАДА. Разряд, столбцы Белгородского стола, д. 1890, л. 661.

грабежу разорились вконец⁵⁵. Он же, писали челобитчики, у мотовских лопарей «вымучил деньги 100 рублей да у печерских крестьян вымучил 50 рублей, да у них же имал рыбу треску и сало», которые возил продаивать в Москву. Далее челобитчики писали, что воевода Воронецкий бесчинствовал, по ночам врывался со своими людьми в дома жителей и «жен их и детей бесчестил... и тем людям провяски чинил в тюрьме и в железах мучал многое время и убытчил и разорил напрасно», а в выдаче «хлебного жалования имал себе поминки большие и за что их волочил до срока многое время». Этот не совсем ясный пункт челобитной кольских служилых людей и горожан был разъяснен во время следствия в том смысле, что воевода Воронецкий взял со стрельцов взятку в сумме 2 тыс. ефимков за то, чтобы «примыслить указ о том, что хлебное жалование станут к ним попрежнему возить Двину, а не сухим путем», что приводило к постоянным задержкам выдачи стрелецкого хлеба⁵⁶.

В другой челобитной Воронецкий обвинялся в том, что покровительствовал разбойникам и давал им возможность бежать за Свейский рубеж. «А прежде сего,— добавляли челобитчики,— изстари такие же воры бегали неведомо для какого умыслу и свейских немец под Кольский острог подводили»⁵⁷.

В челобитной на Воронецкого келарь Троице-Печенгского монастыря Пахохий с братией сообщали, что 2 июня 1698 г. воевода ездил на Печеру реку и взломал монастырский амбар, откуда похитил «двести семог вялых и сырых больших и ту рыбу на кораблях продал иноземцом и имал за рыбу по ефимку»⁵⁸.

Лопари Кольского уезда Сончинского погоста писали, что в январе 1698 г. Воронецкий «на них воеводское курешное вино (т. е. самогон.—M. P.) наваливал и продавал и за то курешное вино обирали у них деньги и кожи олены и мясо и рыбу грабили сильно»⁵⁹. В челобитной указывались методы, с помощью которых люди Воронецкого навязывали лопарям «курешное вино» и грабили их: «Продавали и силой наваливали по две и по три осмыхи и по полуведру и больши на человека. И продавали в свой размер и говорили: «хотя вы, лопари, то вино пейте или лейте, а нам деньги платите». И они у них деньги и кожи аленье, и мясо, и рыбу имали сильно, и их, лопарей, грабили, и разоряли, и подводы имали у них под то воеводино вино и под товары»⁶⁰.

Сосенские и отозерские лопари также были целом на воеводу Воронецкого, что он брал с них по 10 алтын и по 5 кореш рыбы и мяса и по 60 семог в тюрьму сажал и брал 1—3 рубля с человека⁶¹.

Все эти челобитные были настолько серьезны и обоснованы, что сам Воронецкий был вынужден признаться в Преображенском приказе в правильности значительной части возведенных на него обвинений. В частности, он сознался, что «наказание чинил кнутом и батожьем бывал», что местные жители «тамошним извычаем носили к нему в почесть денег по десять или гривну» и что он «за тот принос вином подчевал», а в летнее время, когда стрельцы и посадские возвращаются «с рыбного своего про мысла...», все приходят на воеводский двор и объявляются и приносят

⁵⁵ ЦГАДА. Столбцы секретные Преображенского приказа, д. 187 (876), л. 235.

⁵⁶ Там же, л. 236.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, л. 238.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

в почесть по осьмой денге, а иные и по четверти ефимка», т. е. по $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{4}$ стоимости улова. Далее он признавался, что держал на своих шести судах стрельцов, которые ловили для него рыбу⁶². Гарсаниним вызывали

Злоупотребления и беззакония, чинимые Воронецким, вызывали в Кольском остроге всеобщее возмущение. Неоднократно стрельцы, горожане, лопари посыпали на воеводу челобитные в Новгородский приказ и приказ Большой казны. К моменту мятежа в Москве скопилось четыре таких заручных челобитных. Однако Воронецкий, очевидно, имел в Москве сильных покровителей, поэтому все челобитные остались без последствий. Больше того, шесть ходоков по кольским делам во главе со стрельцом Антоном Абрамовым, привезшие в Москву эти челобитные, «получили недый гол за караулом в кандалах»⁶³.

Возмущение в Кольском остроге подогревалось проникавшими туда слухами о подавлении московских стрельцов в 1698 г. и толкками, вызываемыми этими событиями.

Доверенный человек и соучастник преступлений Воронецкого пяльца Федор Щегорин подал извет на пятидесятинаров того же полка Савву Новгородова и Алексея Покидина, руководителей возмущения в Кольском остроге, что они якобы в его присутствии, обсуждая стрелецкий мятеж 1698 г., говорили: «Напрасно наша братия стрельцы пропадают, все то зло нам чинят бояре»⁶⁴.

Правда, во время следствия, несмотря на все пытки, Савва Новгородов и Алексей Покидин категорически утверждали, что не говорили таких речей. Не слишком настаивал на своих первоначальных показаниях и Федор Щегорин. На очной ставке с Алексеем Покидиным он признался, что те слова «на него, Алешку, говорил боясь, чтобы не разбитца с водскою отпискою», т. е. по предварительному сговору с Воронецким. Затем с третьей пытки он вообще взял назад свои показания и признался, что все «затеял он, Петрушка, собою с пьянства»⁶⁵. После этого заявления следственные органы сочли дело исчерпанным и Преображенский приказ 21 декабря 1701 г. вынес приговор: «стрельцу Петрушке Щегорину за ложный извят учинить наказание: быть кнутом и сослать в Сибирь»⁶⁶.

Однако если даже не было доказано, что Савва Новгородов и Алексей Покидин должны были нести персональную ответственность за инкриминировавшиеся им разговоры, то в свете тех беззаконий, которые чинил Воронецкий в Кольском остроге, очень актуально звучала фраза: «Насильно наша братия стрельцы пропадают, все то зло нам чинят бояре», и настроения, прилипывавшиеся Новгородову и Покидину, в первоначальных показаниях Петра Щегорина, вероятно, были широко распространены среди других кольских стрельцов.

Конкретный ход кольских событий представлен в следственном деле довольно туманно. Из него видно, что 26 декабря 1698 г. воевода И. Воронецкий получил указ о переформировании Кольского стрелецкого полка в солдатский и вызвал к себе в хоромы шесть стрелецких пятидесятников, которых намечал назначить урядниками: Савву Новгородова, Артемия Маклюка, Матвея Искакова, Льва Ермолаева, Петра Угловатого и Льва Пьяного.

.. В других городах перевод стрельцов в солдаты, как мы видели выше, проходил совершенно безболезненно. Однако в Кольском остроге он явился поводом для серьезных волнений. Злоупотребления Воронецкого настолько накалили в городе атмосферу, что стрельцы усмотрели в указе, который собирался объявить им Воронецкий, очередное злоупотребление воеводы. Прежде всего у них возникли сомнения в подлинности самого указа, поскольку, по их сведениям, Петра I не было в это время в Москве. Далее, сама форма объявления указа лично воеводой, минуя прямого начальника кольских стрельцов голову Осипа Деревецкого, в воеводских хоромах, а не в приказе, как это полагалось бы сделать по закону, наводила на мысль о каком-то подвохе со стороны воеводы. Поэтому стрелецкие пятидесятники заявили Воронецкому, «что де они ни в чем слушать его не будут и дела ему до них нет..., а буде есть какой государев указ, и ты де чти нам в приказе, а не у себя в хоромех»⁶⁷.

Приступивший при этом разговоре целовальник таможенного кру-
жечного двора Михаил Распопин показал, что Боронецкий говорил пяти-
десяткам, «для чего они в хоромы не идут и называл плутами, и они
де, пятидесятники, ему, Ивану, сказали: если де нам к тебе итти в хо-
ромы и ты учнешь нас быть попрежнему»⁶⁸.

Было еще одно обстоятельство, почему пятидесятники не хотели принять от Воронецкого указ. Если основная масса стрельцов ничего не теряла от перевода в солдаты и даже могла рассчитывать на прибавку денежного жалованья, то пятидесятники от этого только проигрывали, так как их переводили в солдатскую службу не в офицерские чины (стрелецкие пятидесятники могли претендовать на офицерские звания прaporщиков и поручиков), а в урядники, т. е. в унтер-офицеры, что существенно ущемляло их в материально-правовом отношении. Вот почему довольно безобидная по своему содержанию грамота, полученная Воронецким из Новгородского приказа «о том, чтобы кольских стрельцов писать солдатами и выбрать из них урядников и ходить солдацким строем»⁶⁹, была встречена стрелецкими пятидесятниками в штыки, и они, по словам Воронецкого, «учали быть государеву указу противны, выбирать из себя урядников не дали. И Савка де Новгородов и Алешка Покидин делали многие полковые мятежи и ссоры и невежество к нему и к приказным людям»⁷⁰.

Остальные стрельцы, не разобравшись в сути указа, доведенные до отчаяния притеснениями воеводы Воронецкого и его людей, примкнули к пятидесятникам, и в городе начался мятеж.

Мятежники стали, выражаясь современным языком, «бойкотировать» воеводу Воронецкого, перестали наряжать к нему денщиков и караул и его хоромам. Затем они явились к пятисотенному Фоме Дошкову и «хотели его, пяти сотенного, убить». Вся власть в Кольском остроге оказалась в руках у восставших во главе с Саввой Новгородовым. По словам Воронецкого, он «в таком порубежном городе был опасен, потому что де тот Савка зирает круги по донскому, хотя над ним учинить дурно. И ходит де он, Савка, с товарищи своими неведомо для какого умыслу с ножами и говорит своей братье: если де нас станет воевода имать в приказ и мы де его и людей его учнем резать»⁷¹. Фраза Воро-

⁶² ЦГАДА, столбцы секретные Преображенского приказа, д. 187 (876), лл. 241, 242.

⁶³ Там же, л. 149.

⁶⁴ Там же, л. 201.

65 Там же.

⁶⁶ Там же, л. 26б.

⁶⁷ ЦГАДА. столбы секретные Преображенского приказа, д. 187 (876), л. 206.

68. Там же, л. 207.

⁶⁹ Там же, л. 204.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же, лл. 214—215.

нецкого о том, что Савва Новгородов собирал круги по донскому, наводит на мысль, что восставшие пытались организовать что-то вроде казачьего самоуправления, решая на войсковом круге интересовавшие их вопросы.

Из следственного дела не видно, каким образом было подавлено возмущение в Кольском остроге, но в конце 1699 г. дело о кольском мятеже было принято к производству в Преображенском приказе. На следствии, продолжавшемся с конца 1699 г. до 21 декабря 1701 г., выяснились многочисленные злоупотребления воеводы Воронецкого. В то же время зачинщики бунта, несмотря на троекратные пытки, упорно отрицали самый факт восстания и то, что оно было направлено против правительенной власти, сведя все дело к недовольству злоупотреблениями воеводы со стороны стрельцов и жителей Кольского острога. Поскольку в ходе следствия главный свидетель Воронецкого Петр Щегорин снял свои обвинения против Саввы Новгородова и Алексея Покидина в отношении их антиправительственных речей и сочувствия московским стрельцам, а другой свидетель Воронецкого, капитан Черников, не подтвердил ряда обвинений против Новгородова, следствие было прекращено.

Приговор был вынесен по тем временам сравнительно мягкий; только организатор мятежа Савва Новгородов был приговорен к смертной казни, Петр Щегорин — к битью кнутом и ссылке, остальные пятидесятники были оправданы. Лев Пьяный, находившийся в 1700 г. под следствием, «сидя в Андроновом монастыре за караулом, умре»⁷². Воронецкий был отстранен от должности, и на его место в ноябре 1699 г. был послан воевода Григорий Козлов⁷³.

III

Обратимся теперь к тем стрелецким полкам, которые были сформированы вновь в течение Северной войны.

Первые известные нам указы о «приборе» стрельцов вновь в службу относятся к 25 мая и 25 июня 1702 г., и их изложение дано в указе от 11 апреля 1704 г.⁷⁴. «В прошлом 1702 г., — говорится в указе, — стрельцов... велено писать в стрелецкую службу всех, кроме старых, которые выше 50 лет, и стрелецких детей малых, которым меньше 18 лет. И по тому его, великого государя, указу для высылки стрельцов и стрелецких детей во все города посланы были нарочные посыльщики. И которых стрельцов и детей их сыскали, в Дорогобуж выслали, а в Дорогобуже приверстаны в стрельцы и учинены два полка по 1000 человек».

Как видно из справки Ближней канцелярии, в 1702 г. предполагалось сформировать не два, а три стрелецких полка: «Велено из отставных прежних стрельцов, которые после Азовских походов распущены в города, набрать в Дорогобуже 3000 чел. и учинить 3 полка и строить их по-прежнему обыкновению и выбрать к ним полковников, и подполковников, и капитанов из прежних, которые у стрельцов бывали. Пятисотным приставом, пятидесятником, десятиником быть попрежнему, как было наперед сего. Годовое жалование учинить им денег рядовым по 6 рублей, прочим всем деньги по старому обыкновению, как бывало, хлеба по 6 четей, овса — по тому же, сала — по пуду, и прочим чинам, смотря по сему окладу, и послать их в Смоленск»⁷⁵.

⁷² ЦГАДА, столбы секретные Преображенского приказа, д. 187 (876), л. 263.

⁷³ ЦГАДА, столбы Генерального двора в Преображенском, д. 18670, л. 215.

⁷⁴ ГПСЗ, т. IV, № 1929, стр. 257.

⁷⁵ ЦГАДА, Ближняя канцелярия, д. 79, л. 169 (подчеркнуто нам). — М. Р.

Такая постановка вопроса означала, по существу говоря, амнистию стрельцов и восстановление стрелецкого войска. Примечательна в этом плане деликатная ссылка на то, что стрельцы были распущены по домам якобы после Азовских походов, чем молчаливо предавались забвению их «шатости» в 1698—1699 гг.

В итоге в 1702 г. было сформировано три стрелецких полка стольников и полковников Ивана Нечаева, Михаила Протопопова, Василия Кошелева. В марте 1703 г. полк Кошелева был переведен из Смоленска в Севск.

31 мая 1703 г. в стрелецких московских полках в Севске и Батурине был установлен «тысячный» штат с тем, чтобы «чего в указанное число недостанет, добрать из московских же стрельцов, которые после Азовских походов отпущены были в посад». Во главе Батуринского полка был поставлен стольник и полковник Григорий Анненков, во главе Севского полка старший Василий Данилов; «и быть тем полковником и полком их в службе и в посылках во всяком послушании у него, гетмана»⁷⁶. Этим же указом во главе Севского стрелецкого полка вместо полковника Данилы Юдина был поставлен подполковник Яков Постельников, и полк был отправлен в корпус боярина и воеводы М. Г. Ромодановского.

Таким образом, в 1702—1703 гг. было сформировано вновь и переформировано шесть московских «тысячных» стрелецких полков: Ивана Нечаева, Михаила Протопопова, Василия Кошелева, Григория Анненкова, Якова Постельникова и Василия Данилова.

Стрелецкие полки И. Нечаева и М. Протопопова были посланы в Смоленск в состав русского, так называемого «помощного» корпуса, который был направлен в Польшу в распоряжение союзника Петра I короля Августа. Полки эти затем оставались в составе русской действующей армии до 1711 г., когда полк Протопопова был расформирован, а полк Нечаева до 1713 г. оставался в качестве гарнизонного стрелецкого полка⁷⁷.

Стрелецкие полки Г. Анненкова, В. Кошелева и Я. Постельникова были переформированы в 1705—1706 гг. в жилые солдатские полки⁷⁸.

Судьба полка В. Данилова весьма драматична. В июне 1703 г. 11 русских полков, в том числе два стрелецких, севский В. Данилова и смоленский Дмитрия Каховского, были собраны в Киеве и отправлены к саксонскому королю. До 1706 г. они действовали совместно с саксонцами под Варшавой и в Познани. В 1706 г. произошло неудачное сражение при Фрауэрштадте, в котором русские полки действовали в составе союзной русско-саксонско-французской армии под командой генерала Шуленбурга. Во время сражения французы изменили и перешли к шведам, а саксонцы разбежались. Вся тяжесть боя легла на русские полки. Нельзя без волнения читать безыскусные, скучные строки донесения о Фрауэрштадтском деле: «Российские 4 полка да grenaderский батальон, которые стояли в первой линии, мест своих не уступили. Все на том месте побиты, а осталось малое число. Також осталось и в задней линии. И собрався шли... отходом и отстrelивались... Мало кто из них был не ранен»⁷⁹.

Уцелевшие после сражения русские солдаты и стрельцы были сведены в трехбатальонный полк, во главе которого стал подполковник Ренцель, «и пришёд с баталии, оные российские люди были в Саксонии с февраля месяца по ноябрь месяц последних чисел».

⁷⁶ ЦГАДА, Разряд, книги Севского стола, д. 29, лл. 229—230.

⁷⁷ ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. 1, д. 17, лл. 126—140; Сенат, оп. 7, д. 5 (379), лл. 29—34.

⁷⁸ ЦГАДА, Разрядные вязки, в. 38, д. 57, лл. 37—38.

⁷⁹ ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. 1, д. 19, л. 262—262 об.

Когда шведы вторглись в Саксонию, только русские войска оказывали им сопротивление, так как союзный главнокомандующий саксонский генерал Шуленбург бежал со своими войсками в Австрию и был там интернирован. Ренцелю также предложили это сделать, но он отказался подчиниться приказу. Тогда Шуленбург «дал абшид» (отставку) Ренцелю и его офицерам и предоставил им право поступать по их усмотрению, сложив с себя ответственность за дальнейшую судьбу русских воинов. Ренцель решил пробиваться с горсткой русских солдат и стрельцов через районы, занятые врагом, на соединение с главными силами русских войск, оперировавших в это время в Польше. Русские «пошли разными трактами через Цесарскую и Бранденбургскую землю того ради, что в Саксонии в города пускать не стали и провинту не дали. И хотя нужным проходам (т. е. терпя нужду. — М. Р.)», однако же пришли царского величества к армии в Польшу»⁸⁰. В память об этом геройском марше Петр I приказал именовать пробившийся отряд Саксонским или Ренцелевым полком. Впоследствии этот полк отличился в сражении под Полтавой. Вероятно, с этих времен появилась поговорка: «Эх, молоды, в Саксонии не была!», сложившаяся, очевидно, среди ветеранов, вспоминавших трудности этого замечательного похода.

Наряду с упомянутыми полками в документах встречается ряд стрелецких полков, действовавших в 1700—1701 гг. на театре войны и созданных между 1701 и 1703 гг. К их числу следует отнести псковские стрелецкие полки Юрия Шкота, Юрия Полибина, Федора Кара и Ушакова, оперировавшие под Нарвой, в Ингрии, Эстонии и переформированные в 1704 г. в солдатские полки⁸¹. В 1703 г. были сформированы псковские стрелецкие полки Бошмакова и Руха, переформированные в 1704 г. в солдатские полки дерптского гарнизона⁸².

В 1710 г. в диспозиции на штурм Выборга мы встречаем стрелецкие полки Стубенского и Баишева⁸³, входившие в одну из штурмовых колонн. Возможно, что первый из них был полком «астраханских бунтовщиков» (о нем в 1708 г. сообщал английский резидент Витворт), которым была предоставлена возможность кровью искупить свои «шатости».

IV

К началу XVIII в. основная масса стрельцов была сосредоточена в Новгородским, Севском и Белгородском разрядах и в районе Астрахани. Рассмотрение судеб стрельцов в первой четверти XVIII в. мы начнем именно с Астрахани, так как судьба тамошних стрельцов определилась раньше других.

Астраханское восстание 1705—1706 гг. привлекло внимание ряда историков, и его основные аспекты получили освещение в недавно вышедших ««Очерках по истории СССР»⁸⁴. Поэтому в данной статье рассматривается главным образом участие стрельцов в астраханском восстании и до-

сих пор мало изученные карательные мероприятия петровского правительства, оказавшие серьезное влияние на дальнейшие судьбы стрелецкого войска.

В 1705 г. в районе Астрахани было сконцентрировано значительное количество войск. В самом городе было расположено три солдатских полка — Тимофея Ржевского, Александра де Винь, Лариона Меера. Кроме того, в городе дислоцировались полк московских стрельцов Ефрема Армянина, два конных полка астраханских стрельцов Михаила Зажарского и Никиты Зажарского и три пеших полка астраханских стрельцов Бориса Кареитова, Михаила Кареитова и Дмитрия Головачкова⁸⁵.

В подчинении у астраханского воевода находились четыре полка, несшие гарнизонную службу на Тереке: Ильи Некрасова, Петра Козлова, Белобокова, Якова Пехова. Кроме того, Астрахани подчинялись стрелецкие гарнизоны в городах Красном Яре, Черном Яре и Уральске. Общая численность астраханских войск, насчитывавших три солдатских и 10 стрелецких полков, оценивалась Петром I в 10 тыс. человек⁸⁶. Можно поэтому утверждать, что астраханское восстание в 1705—1706 гг. является одним из крупнейших военных восстаний в истории России.

Во главе астраханских войск был поставлен воевода Тимофея Ржевского «с товарищи», которым было поручено управление всеми военными и гражданскими делами в Астрахани и прилегающих к ней районах. 30 мая 1700 г. был выработан обстоятельный наказ астраханскому воеводе, в соответствии с которым ему надлежало управлять тамошними делами. Особенно интересен § 30 Наказа, в котором говорилось: «Воеводам смотреть накрепко над головами и над сотниками стрелецкими, чтоб они стрельцам насилиство и налоги ни в чем не чинили и на посыпку для своих дел не имали, и изделия бы стрельцы на них никаких не делали, и с службы их головы и сотники на волю конных и пеших стрельцов для своих корыстей не выпускали. И бедные стрельцы богатых не отслуживали, и богатых людей головам и сотникам в денщики не иметь без их..., воевод, ведома. Из-за увечья стрельцов от службы не отставляли, и из государства бы денежного и хлебного жалованья у стрельцов головы бы и сотники ничего не вычитали и стрелецкие пятисотенные и сотенные дьяки у стрельцов ни в чем не корыстовались. Да я самим им, воеводам, стрельцов конных и пеших ни на какие свои изделия не посыпать и никаких дел на себя делать не заставливай некоторыми дельы»⁸⁷.

Обращает на себя внимание прозорливость петровского правительства, сумевшего за пять лет до восстания предусмотреть почти все разнообразнейшие должностные преступления воевод и местной администрации, которые в конечном счете и привели к восстанию⁸⁸. Очевидно, подобные злоупотребления были обычным явлением в стрелецких войсках. Это лишний раз позволяет считать положение в астраханском гарнизоне типичным для остальных стрелецких частей начала XVIII в.

Когда началась Северная война, из астраханского гарнизона был выделен сводный полк, который под командой стрелецкого полковника Бориса Кареитова в 1701—1703 гг. принимал активное участие в военных действиях⁸⁹. Кроме того, ряд стрельцов и солдат был направлен

⁸⁰ ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. 1, д. 19, л. 264.

⁸¹ ЦГАДА, Дела разрядные, д. 56, лл. 146—147, 307—310.

⁸² ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. 1, д. 1, лл. 258—260.

⁸³ «Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах, 1708—1714 гг. (документы Гос. архива), СПб., 1893, стр. 92, 93.

⁸⁴ См. С. М. Соловьев, История России с древнейших времен. Изд. «Общественная позиция», кн. III, стб. 1377—1392; В. И. Лебедев, Астраханское восстание 1705—1706 гг. — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 9—10 и «Записки МГПИ», т. II, вып. 1, 1941; А. В. Чернов и Н. Б. Голикова, Астраханское восстание 1705—1706 гг. — «Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в.», М., 1954, стр. 240—253.

⁸⁵ ЦГАДА, Госархив, разр. VI, д. 17, лл. 3, 12—14, 24, 33 об., 133, 134.

⁸⁶ «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 9—10, стр. 58.

⁸⁷ И ПСЗ, т. IV, № 1792, стр. 38.

⁸⁸ См. повинную челябинскую астраханских служилых людей («Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 9—10).

⁸⁹ ЦГВИА, ВУА, д. 1434, лл. 18—26; ЦГАДА, Госархив, разр. VI, д. 17, л. 9.

из Астрахани на укомплектование формировавшихся в Поволжье солдатских полков, а также участвовал в 1701—1703 гг. в операциях в Прикаспии и на Кубани.

Невыносимо тяжелые условия, в которых находились астраханские служилые люди,—насилия, издевательства, поборы Ржевского, полковых командиров и офицеров-иноземцев —создали в Астрахани благоприятную почву для восстания, тем более, что в Астрахани и на Тerekе скопилось множество московских стрельцов, участвовавших в мятеже 1698 г., и их родственников, недовольных существующим режимом.

К июню 1705 г. в Астрахани сложились два заговорщических центра, подготовлявших восстание местного гарнизона и посадских низов.

Первый центр был создан в солдатском полку, командиром которого являлся воевода Тимофей Ржевский. Во главе заговора здесь стоял пушкарь Гур Агеев, «который учал умышлять один собою перед Ильиным днем (20 июля.—М. Р.) незадолго и призывал к тому бунту товарищев»⁹⁰.

К Агееву примкнули солдаты Федор Воробьев, Семен Орлов, Василий Попов, Авдей Портной и Петр Жегало. Через Петра Жегало Агеев связался с работными людьми, которые находились на зимовках. Гур Агеев связался также со стрельцами полков Кареитовых через Якима Ростопчина, который «умышлять» стал по призыву Гура и к бунту призывал свою братию⁹¹. Яким Ростопчин не ограничился только заговорщикой деятельностью среди своих однополчан, а втянул в заговор стрельца полка Голочалова Прохора Носова. Ближайшими помощниками Носова явились стрельцы Иван Шелудяк, Василий Быков, Андрей Камышников, Тимофей Соколов и Никита Колос. Прохор Носов развил большую деятельность; через стрельца Степана Москвитина он установил сношения с работными людьми селитренного городка, через Дмитрия Казанца — со стрельцами конных полков и работными людьми в зимовых городках; наконец, через Степана Демьянова связался с организатором второго заговорщического центра — стрельцом московского стрелецкого полка Григорием Артемовым.

Второй заговорщический центр (главным образом стрелецкий) возник почти одновременно с первым. Он был создан стрельцом московского стрелецкого полка Григорием Артемовым, к которому примкнули стрельцы этого полка Михаил Зимин, Иван Баран, Петр Тихонов, Алексей Афанасьев. Через Андрея Сапожника заговорщики снеслись с солдатами полка Лариона Меера. Артемов не ограничился этим и пытался связаться через Терентия Корешило с черноярскими стрельцами и через Сергея Тихонова с донскими казаками. Через Гаврилу Шапошникова Григорий Артемов был связан с заговорщиками из стрелецкого полка Голочалова и через них с организатором первого заговорщического центра Гуром Агеевым.

Таким образом, в Астрахани сложились два широко разветвленных и хорошо законспирированных заговорщических центра, поддерживавших между собой двойную связь (через Степана Демьянова и Гаврилу Шапошникова). Они привлекли также к заговору посадское население Астрахани, зимовавших в районе Астрахани работных людей, донских казаков и стрельцов других гарнизонов. Через Степана Москвитина нить от астраханского заговора тянулась к Москве. Однако, несмотря на все

⁹⁰ ЦГВИА, ВУА, д. 1434, лл. 18—26; ЦГАДА, Госархив, разр. VI, д. 17, л. 24.
⁹¹ Там же.

старания князя Ромодановского и самого Петра I, руководивших розыском по делу астраханского восстания, следствию проследить эту нить не удалось.

Заговорщики ставили своей задачей подготовить одновременно восстание астраханского гарнизона, стрелецких полков на Тerekе, а также посадских низов и работных людей. Затем они хотели убить воеводу Ржевского, наиболее ненавистных полковников и иноземцев-офицеров и захватить власть в Астрахани.

Для того чтобы усилить недовольство народа действиями астраханских властей, заговорщики распространяли по городу ложный слух о смерти Петра I и всячески разоблачали беззакония Тимофея Ржевского и его сподручных.

За неделю до восстания заговорщики усилили свою конспиративную деятельность. Они, «сходясь меж собою в дома, и к лавкам, и к церквам о том, чтобы учинить бунт, воеводу и начальных людей побить и за веру, и за правду постоять, и усов и бород не брить, и немецкого платья не носить советовали. И что у них в полках о том совет есть, и к тому делу люди друг другу сказывали»⁹².

Политические цели восставших, на основании показаний зачинщиков восстания, были обрисованы Преображенским приказом следующим образом: «Они, завотчики и бунтовщики из Астрахани, под Царицынами сами ходили и свою братью, воров и бунтовщиков астраханских и терских стрельцов и солдат посыпали призывают царицинцев и донских казаков⁹³ к себе на помочь. И итти было с ними в верховые города до Казани. И в городех собираясь, итти было до Москвы, проведать про государя, жив ли он, государь, для того, [что] в народе была молва, будто ево, государя, в живе нет, а иные говорили, будто он, государь, в заточении в Стекольном (Стокольме.—М. Р.), а на Москве непрямой государь...⁹⁴ И Царицын взять было им боем, а с Царицына итти в верховые города до Казани и, собравшись многолюдством, итти и к Москве. И на Москве про государя спрашивать у бояр и учинить бунт и побить всех до смерти»⁹⁵.

Подобно говорил о целях восстания Степан Москвитин: «А царицинцев и донских казаков призывают..., а будет не пристанут и им бы Царицын взять боем и итти в верховые города и до Москвы и всех призывают было к себе, а кто бы не пристал, и тех было всех побивать. А пришед к Москве, немцев всех, хто б попався мужско и женско полу, побить было до смерти. И сыскать было государя и бить челом, чтоб старой вере быть по прежнему, а немецкого бы платья не носить и бороды и усов не брить. А буде бы он, государь, платья немецкого носить, и бороды и усов брить перестать не велел, и его б, государя, за то убить до смерти,

⁹² ЦГВИА, ВУА, д. 1434, лл. 18—26; ЦГАДА, Госархив, разр. VI, д. 17, л. 19.

⁹³ «Послали с нарочными посыльщиками на Дон, на Тerek, на Яик, в Гребени к атаману и к казакам, и к терским стрельцам воровские возмутительные письма» (там же, д. 23).

⁹⁴ В фонде Преображенского приказа есть несколько дел по поводу слухов о подменности Петра I. Крестьянин Ларисон Кириллов утверждал в 1701 г.: «Каков он царь, он же подменен от немец и обосурманился» (ЦГАДА, столбы секретные Преображенского приказа, д. 226 (919), л. 32 об.). Крестьянин Степан Позняков заявил в 1700 г.: «Он не царского колена, немецкого и переменен в малых летах для того, что немцы пукавы» (там же, д. 294 (1025), л. 3). Жители Ярославского уезда говорили между собой в 1702 г.: «Это не государь, а подмененный немчин» (там же, д. 315 (1054), л. 2). Наконец, много позднее, уже в 1720 г., крестьянин Афанасий Нестеров вспоминал: «Тому лет с шесть» называли царя подмененным (там же, д. 473 (1326), лл. 1—4).

⁹⁵ ЦГАДА, Госархив, разр. VI, д. 17, л. 23 об.

чая..., что он государь подлинно подменный. Да и для того его, государя, убить мыслил, что московских четырех полков стрельцов в Москве переказнил и кажнены его, Стенкины, дядья два человека, а достальных всех стрельцов он же, государь, велел разорить, разослать по городам. И к тем его словам их же полку стрельцы по именам два человека говорили же: «Буде объявится подлинно не прямой государь, и его убить до смерти, а убив что было чинить, о том в разговоре не было»⁹⁶.

После того как все подготовительные мероприятия были окончены, была назначена дата восстания — в ночь с 29 на 30 июля 1705 г. Сигналом к восстанию явился набатный звон, раздавшийся с городских церквей в четвертом часу ночи. Под предлогом тушения пожара вооруженные топорами стрельцы и солдаты во главе с Терентием Корешцем захватили Астраханский кремль. В первый момент восстания были убиты командир стрелецкого полка полковник Никита Зажарский, командир яхтинского полка капитан флота Ларион Meer, капитаны Баума, Глазунов и капитан московского стрелецкого полка по прозвищу «Малая земля» и другие начальные люди, преимущественно иноземцы, в общей сложности 300 человек⁹⁷. К часу дня 30 июля был разыскан и приведен в войсковой круг воевода Тимофей Ржевский. «И в кругу, говоря ему, будто он бороды бритье и платье немецкое носить [заставлял] своим изволом, убили же до смерти»⁹⁸.

Из офицерского состава были оставлены в живых только воевода Апухгин, полковник Армянинов и дьяк.

На войсковом круге были избраны атаманами ярославец Яков Носов, астраханский посадский человек Гаврила Ганчиков и стрелец полка Голочалова Иван Астраханец. Позднее в качестве главнокомандующего был избран Алексей Зиновьев. Астрахань находилась в руках восставших с 30 июля 1705 г. по 13 марта 1706 г., т. е. около семи с половиной месяцев.

На второй день после восстания были посланы грамоты на Тerek, Дон, Яик, в Черный Яр, Красный Яр с призывом к тамошним стрельцам, казакам, другим служилым людям и населению, «чтобы они шли с ними и были бы в соединении»⁹⁹. Однако донской казацкой старшине удалось удержать казаков от присоединения к восстанию.

Зато полным успехом увенчались действия астраханских эмиссаров на Тerekе, где к ним примкнули все четыре стоявшие там стрелецкие полки, а также казаки, другие служилые люди и местное население.

Восстание в Астрахани и присоединение к восставшим служилых людей Тerek, Черного и Красного Яра имело большой резонанс в других городах Поволжья. В декабре 1705 г. полковник Тимофей Бордовик, командовавший солдатским полком в Казани, получил из Уфы письмо от «у полков на Уфе капитана» Ивана Рера. «Лучше, — писал Рер, — чтобы меня с Уфы взяли, потому что будет вскоре так же пределение, как и в Астрахани. Нет никакого, кто бы имел страх... Я желаю государю лучше служить без жалования, чем на Уфе за деньги. Потому что готовится к весне бои ведает что; у них, у воров, в мысли, что башкиры такожде и солдаты, да которой полк в Мензелинску стоит, чтоб его заранее в Казань взяли потому, что у них доброй мысли нет»¹⁰⁰.

⁹⁶ ЦГАДА, Госархив, разр. VI, д. 17, л. 54 об.

⁹⁷ ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. 1, д. 18, ч. 1, л. 48.

⁹⁸ ЦГАДА, Госархив, разр. VI, д. 17, л. 6.

⁹⁹ «Доказательства и приговоры Правительствующего сената», т. V, ч. 2, СПб., 1825, стр. 1167.

¹⁰⁰ ЦГАДА, Разрядные вязки, в. 36, д. 6, л. 22 об.

Астраханское восстание крайне встревожило петровское правительство. Немедленно после получения известий о восстании Разрядный приказ распорядился мобилизовать московских чинов и дворянские контингенты служилых людей Казанского разряда, которым было велено собираться в Симбирск и оттуда идти к Царицыну и Казани.

20 сентября 1705 г. последовало распоряжение начальнику Новгородского разряда воеводе П. Апраксину: «Указали мы великого государя по письму из военного похода, по астраханским вестям отпустить из военного похода генерала фельдмаршалка нашего и военного кавалера малтийского свидетельствованного Б. П. Шереметева с конными и с пехотными полками. Да из Нового города тебе, ближнему окольничему и воеводе нашему, полку своего с конными и пешими ратными людьми быть в Москве вскоре»¹⁰¹. В соответствии с этим указом П. Апраксин выступил 23 сентября 1705 г. к Москве и оттуда к Белгороду и Азову, имея под своей командой 5682 человека, в том числе 3642 конных (из которых 1569 человек были московскими чинами) и два солдатских полка полного штата, насчитывавших 2040 человек¹⁰².

Опасаясь, что астраханские бунтовщики находятся в связи с московскими стрельцами, живущими в различных местностях Русского государства, и что вслед за восстанием в Астрахани возможны антиправительственные выступления в других городах, петровское правительство приняло энергичные меры по их предотвращению. Сохранился ряд указов, отправленных в октябре 1705 — марте 1706 гг. Разрядным и Земским приказами (в ведении которых находились стрельцы), к воеводам различных городов: «Чтоб они их, стрельцов, высыпали из Москвы с нарочными добрыми провожатыми тотчас, бессрочно, безо всяко мотчания, и как все стрельцы из городов к Москве высыпали будут, также которые стрельцы на Москве, и тех потому же собрать. Да стрельцов же Иванова полку Нечаева до Михайлова полку Протопопова, которым службы из Полчи из тех полков бежали, на Москве и в городах, сыскав, прислать же в Разряд. А из Разряда послать в тот же город Тикотин, по тому же с нарочными добрыми провожатыми, вскоре или по настоящему первому пути¹⁰³. Московские и беглые стрельцы, обнаруженные в Новгороде, Пскове, Вязьме, Старице и Великих Луках, посыпались в Тикотин, минуя Москву. В ноябре 1705 г. последовало распоряжение срочно выслать в Тикотин стрельцов из низовых городов.

В период 1705—1706 гг. приказ Земских дел направил в Тикотин 180 бывших московских стрельцов, присланных из городов¹⁰⁴. Присыпались даже такие стрельцы, которые фактически превратились в посадских людей. Так, из Скопина были посланы Дементий Самойлов, «который удел великого государя по выбору скопинских посадских людей в земских бурмистрах», Иван Самойлов, «который был в Скопине в посадском тягле», Афанасий и Дементий Самойловы, которые «на Скопинском кружечном дворе в таможне были в целовальниках»¹⁰⁵.

В декабре 1705 г. Шереметев собрал против астраханских повстанцев крупные военные силы, насчитывающие более 20 тыс. человек при 324 медных и чугунных пушках¹⁰⁶. В распоряжении Шереметева оказалась солидная воинская группировка, по численности фактически в три раза

¹⁰¹ ЦГАДА, Разрядные вязки, в. 36, д. 78, л. 13.

¹⁰² ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. 2, д. 6, л. 18—18 об.

¹⁰³ ЦГАДА, Разрядные вязки, в. 39, д. 40, л. 2 об.

¹⁰⁴ Там же, л. 6 об.

¹⁰⁵ Там же, лл. 11—12.

¹⁰⁶ ЦГАДА, Госархив, разр. VI, д. 17, лл. 91—93.

превышавшая силы астраханских и терских повстанцев. Кроме того, к нему были направлены крупные подкрепления из Смоленска и Москвы, а также войска Аюки-хана. В инструкции, данной Петром I Шереметеву, указывалось на необходимость по возможности избежать кровопролития. После взятия Астрахани Шереметев должен был, не проводя на месте следствия, «пушечных завотчиков... держать за крепким караулом, а по принятию указу (о прощении астраханских повстанцев.—М. Р.), конным стрельцам отдать ружье и выслать их на перемену их братии к С. Петербуржу, сказав, что за такую милость вины свои заслужили»¹⁰⁷.

Далее Шереметеву предписывалось, дождавшись прибытия подкреплений из Москвы и Смоленска, направиться в Смоленск, «взяв с собой всех астраханских, черноярских и красноярских служилых людей, приведя ко кресту и перепоручая круглою порукою. А ружье их вести за крепким караулом. К тому же надобно несколько калмыков взять, чтоб оные не разбежались... А про ружье сказать им, астраханцам, что отдано будет им в Смоленску, а ныне для того не отдано, чтоб с дороги не разбежались». Эти меры имели целью без эксцессов вывести участников восстания из Астрахани с тем, чтобы потом сурово с ними расправиться. «А когда придут в украинные города,— гласила инструкция,— тогда завотчиков послать в Москву за добрым караулом, с прочими итти прямо к Смоленску»¹⁰⁸. Шереметев, кроме того, должен был «гулящих людей по тому же взять... Дополнить из них все астраханские полки, хотя и с лишком, еже ли ружье будет», а остальных из Астрахани вывесть «в ближние московские города, где пристойно», также из «Яика городка астраханцев взять»¹⁰⁹.

В марте 1706 г. войска Шереметева подошли к Астрахани. К этому времени среди восставших начались раздоры. Более состоятельные купцы и жители посада, подстремкаемые местным митрополитом, стали уговаривать повстанцев сдаться без боя и тем заслужить царское прощение. Им удалось склонить на свою сторону астраханских стрельцов из полков Бориса и Михаила Карапетовых, которые, по свидетельству Шереметева, «во время бунту стояли в твердости, и многих уговаривали и показали свое многое радение, и слобод жечь не дали, и между собой пущих заводчиков ссыкивали тайно и сажали в воду. И во время приходу моего пушки набиты у них были песком, за что из них многих воры и бунтовщики били»¹¹⁰.

Часть восставших пыталась организовать оборону города. В разыскном деле упоминается ряд активных участников этой обороны. Руководителем борьбы против правительственные войск был стрелец Елисей Зиновьев, который «в атаманы выбран в приход к Астрахани фельтмаршала, и собрав служилых и гулящих людей, наряжал полки к бою, и выходил на вылазку»¹¹¹. Деятельное участие в обороне города принимал организатор восстания стрелец Петр Носов. Он проверял караулы, расставляя орудия и участвовал в отражении штурмов¹¹².

После того как стало ясно, что восстание не имеет шансов на успех, среди части руководителей восстания сложилось мнение о необходимости уйти в Иран. «А если б де фельтмаршал по зимнему пути в Астрахань не пришел,— говорится в показаниях Степана Москвитина,— и он, Стенька, мыслил и свою братию и гулящих людей в кругах призывал и

на базарях и у съезжей избы говоривал не по одно время: дождався весны, и взяв в Астрахани пушки, и порох, и свинец, и разоря индийской и бухарской дворы, и товары пограбя, утиять из Астрахани на море, на Яграхань или в иные крепкие места, где бы прилучилось на вечное житье. И для этого в их полку по зиме к весне и суды морские были изготовлены, потому боялись на себя государевых ратных людей присылки. И буде бы кто не похотя с ними бежать, пушек и пороху, и свинцу давать не стали, и с теми он, Стенька, приговаривал битца»¹¹³. Но с восстанием было покончено еще до весны, и 13 марта 1706 г. Шереметев овладел Астраханью. Взятие Астрахани повлекло за собой поражение восстания на Тереке, в Красном Яре, Черном Яре и Яике.

Первое время положение Шереметева было очень непрочным, так как воля астраханцев к борьбе не была полностью сломлена. 5 мая 1706 г. Шереметев докладывал царю об астраханских делах: «Астраханцы атаманы и пущие заводчики сидят за караулом..., потом что, как воды разлились и начали с Кубани многие приезжать, никакими мерами уберечь их было нельзя, разбежались бы все... И почали было собиратца тайно в крытых местах и советывать, чтоб солдат подавить ночью. И из них сысканы, кто заводил, Голочалова полку стрелец Терешка Иванов, и тот по розыску казнен смертию, а два человека с пытки умерли. И астраханцы многие полками принесли челобитную изменам пущим заводчиком. И как те все пущие заводчики приняты и посажены, все умолкли. Ганчиков атаман умер»¹¹⁴.

Затем Шереметев стал подготовлять отправку повстанцев, которых он хотел вывести из Астрахани как можно быстрее и без нежелательных эксцессов. 19 мая 1706 г. он писал Петру I: «Всех астраханцев конных и пеших, которых возьму с собою твоей, великого государя, милостью обнадежил и чтоб они вины свои заслужили. И велел их перепоручить круглою порукой, чтоб не разбежались и привести к кресту. Жалованье астраханцам никому не даю и давать не буду»¹¹⁵. В июле он сообщал Петру I: «Писал я тебе, государь, что отпущу конных стрельцов 500 человек. А ныне по разбору Михайлы Щепотьева явилось их 317 человек и сухим путем послать их некоторыми мерами невозможно за полою водой... А есть ли бы и воды сили, опасно бы их послать сухим путем, потому что не пристали к башкирцам и каракалпакам, которые ныне воюют около Саратова и Самары»¹¹⁶.

После разбора и фильтрации астраханских стрельцов и солдат Шереметев выступил из Астрахани. Немало повстанцев было послано под сильным конвоем в Москву для следствия в Преображенском приказе. Остальные под командой Шереметева двинулись по направлению к Смоленску. Всего из Астрахани было выведено 2032 бывших астраханских служилых людей, в том числе 318 стрельцов из конных полков Зажарских, 308 человек из солдатского полка Меера, 711 солдат из полка Ржевского, 454 человека из московского стрелецкого полка Армянина и 241 человек из стрелецкого полка Голочалова. Помимо них, в Астрахани было приверстано в службу 116 человек, которые были распределены по соответствующим полкам.

В Астрахани были оставлены «за старостью, и за болезнью, и в посылах, и за морем, и на Кубани, и у дел» 210 конных стрельцов и из

¹⁰⁷ ЦГАДА, Госархив, разр. VI, д. 17, л. 180—180 об.

¹⁰⁸ Там же, л. 180 об.

¹⁰⁹ Там же, лл. 181—182.

¹¹⁰ Там же, л. 87.

¹¹¹ Там же, л. 19.

¹¹² Там же, л. 24.

¹¹³ ЦГАДА, Госархив, разр. VI, д. 17, лл. 54 об.—55.

¹¹⁴ Там же, л. 128.

¹¹⁵ Там же, л. 88—88 об.

¹¹⁶ Там же, л. 95.

четырех пеших полков 138 человек. Кроме того, были сохранены два стрелецких полка Кареитовых, насчитывавших 524 человека¹¹⁷.

В дороге Шереметев получил приказ отправить астраханских стрельцов не в Смоленск, а в Ингирию, кроме «пушущих заводчиков», которые были направлены в Москву.

В связи с тем, что в пути следования были отмечены случаи бегства участников астраханского восстания, Петр I 15 сентября 1706 г. приказал офицеру Глебову, конвоировавшему их к месту назначения: «Из астраханских стрельцов бегут и для того ты их перепоручь между собою крепкими поруками, человек по 20, с таким словом, ежели кто уйдет, то всем им быть в казни. А которые пойманы, тех вели при всех в строю пред полками астраханскими казнить. А не хуже, хотя и жесточае сделать — четвертовать, или колесовать, чтоб на то смотря, другие так не чинили»¹¹⁸.

Вслед за этим Петр распорядился вывести с Терека тамошних московских и астраханских стрельцов, а также из Астрахани — ранее оставленные стрелецкие полки Кареитовых.

О дальнейшей судьбе астраханских стрельцов и солдат имеются отрывочные данные, из которых видно, что в конце 1706 г. астраханские служилые люди были дислоцированы в следующих пунктах: в Шлиссельбурге — 102 рядовых и урядников, в Нарве — 200 человек конных, в Петербурге — низовой астраханский полк в составе одного подполковника и 1315 урядников и рядовых¹¹⁹. 6 марта 1708 г. Петру I было донесено, что 222 астраханских стрельца направлены в Великие Луки, а 50 человек разосланы в разные места¹²⁰.

17 сентября 1708 г. английский резидент Витворт доносил своему правительству, что близ Петербурга находится «полк астраханских мятежников — 1200 человек»¹²¹. Возможно, что этот полк принимал в 1710 г. участие в штурме Выборга под командой полковника Стубенского.

Что касается семей повстанцев, то правительство распорядилось выселить их из Астрахани, Черного Яра и Красного Яра. В 1708 г. в Астрахани было «стрелецких и солдатских прежних жилых полков недорослей мужска пола от 5 лет» — 1181, в Красном Яре — 68, в Черном Яре — 98, всего 1347 человек. Кроме того, в Астрахани было 1854 «солдатских и стрелецких жен, у которых мужей нет»¹²².

В августе 1708 г. П. Апраксин писал Петру I: «Доносил тебе, государь, через письмо мое о здешних астраханских стрелецких недорослях, что их и баб стрелецких много. И повелено мне оных прислать, что их есть роспись, которую ныне послал, что о них твой указ государев будет. А баб отсюда отпушаем в верхние города, которые просятца. А дачи им в Астрахани никакой нет и всем отказано»¹²³.

Розыск по делу астраханских служилых людей затянулся на несколько лет. Дознание производилось Преображенским приказом и его начальником князем Ромодановским, но фактическим руководителем всего розыска был сам Петр I. Военная обстановка не позволила царю лично присутствовать в Москве, но Ромодановский регулярно держал Петра в

курсе хода следствия. Кроме того, для Петра делались обширные выписки из следственных материалов и для личных допросов ему присыпались наиболее важные обвиняемые и свидетели.

21 октября 1705 г. к Петру I были направлены участники астраханского восстания, приехавшие на Дон с целью поднять там возмущение¹²⁴. До этого, 8 октября 1705 г. Петр I писал Ромодановскому: «О ворах астраханских, как я напред сего к вам писал, чтобы оных сюда прислать»¹²⁵. В ответ на это письмо Ромодановский докладывал царю: «Астраханских воров 22 человека послал я для милости твоей и с дел списки. Да с теми к списки с рук московских жителей и низовых посацких людей, которые в Астрахани с торговыми были и прикладывали руки к воровскому письму. А которые из них являются к Москве, велел их иметь в приказ и распространять, для чего они к воровскому письму руки прикладывали»¹²⁶.

В другом письме Ромодановский писал: «Прислано з Дону в Посольский приказ воры и бунтовщики 4 человека конных астраханских стрельца, да два черноярца, да московский стрелец, которые посланы от воров же астраханских же с возмутительным письмом на Дон... И что те воры сказали в распросах своих и с пыток, о всем списав с нужных дел, послал я к милости твоей». Далее Ромодановский сообщал, что 18 астраханцев, задержанных под Царицыном, посланы к Москве, «о чем милости твоей и впредь писать буду»¹²⁷.

В результате первого этапа следствия, окончившегося в 1707 г., была установлена персональная вина главных организаторов восстания и более активных участников событий в Астрахани, и все они были приговорены к смертной казни. Судя по справке Преображенского приказа, было казнено и умерло во время розыска 365 человек, в том числе глава астраханского правительства Носов умер от пыток в Новоспасском монастыре; шесть человек были колесованы в Преображенском приказе; 42 человека были обезглавлены у Преображенского приказа, 30 — на Красной площади, 242 — перевезены около Москвы по дорогам¹²⁸.

После казни этой группы повстанцев следствие продолжалось. Особенно интересовала Петра I связь повстанцев с московскими стрельцами, бунтовавшими в 1698 г.

Некоторый свет на ход следствия по делу об астраханском восстании проливает «Гистория Свейской войны». В первой черновой редакции «Гистории» о восстании 1698 г. было написано: «Прочие стрельцы, хотя сему бунту и не точны, однако сомнение на них надлежало иметь, ибо онная пехота устроена была образом янычар турецких (которым, правда, и воздали по янычарски)». Против этого места на полях рукописи Петр I собственноручно сделал следующую вставку: «что потом и явилось. Ибо один стрелецкий сын (имерек) — (во второй редакции было написано: Стенька Москвитин. — М. Р.), когда его отца и дядю за бунт казнили, ушел в Астрахань и там через 4 года возмущал и на последи намерение свое достиг, еже явно при казни сие сам сказал». В третьей редакции Петр собственноручно вычеркнул слова: «явно при казни сие сам сказал» и приписал: «как то последи пытавши [зачеркнуто] в сей истории о Астраханском бунте в 705 г. ясно покажется»¹²⁹.

¹¹⁷ ЦГАДА, Госархив, разр. IV, д. 17, лл. 97—98.

¹¹⁸ «Тетраги записные», СПб., 1774, стр. 202—203.

¹¹⁹ См. «Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах», стр. 348—

349.

¹²⁰ ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. 2, д. 7, л. 975.

¹²¹ Сб. РИО, т. 50, стр. 75.

¹²² ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. 1, д. 7, л. 156.

¹²³ Там же, л. 153.

¹²⁴ ЦГАДА, Госархив, разр. VI, д. 17, л. 3.

¹²⁵ «Тетраги записные», стр. 35.

¹²⁶ ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. 2, д. 9, л. 807, 807 об.

¹²⁷ Там же, л. 807—807 об.

¹²⁸ ЦГАДА, Госархив, разр. VI, д. 17, лл. 27—27 об., 50.

¹²⁹ Д. М а с л о в с к и й. Записки по истории военного искусства в России..., вып. 1. СПб., 1891, Прилож., стр. 2.

Приведенная вставка из «Гистории» объясняет многое. Как главе государства и руководителю розыска по делу астраханских служилых людей, Петру I была ясна идеальная и организационная связь московских стрельцов, бунтовавших в 1698 г., с астраханцами, о которой «с пыткой вынуждился» Степан Москвитин. Но последний сам вскоре отказался от своих показаний, а остальные участники движения в этом пункте категорически запирались. Таким образом, связь восстания 1705 г. с мятежом 1698 г. оказалась недостаточно доказанной. Поэтому Петр I не пожелал выдать свои предположения в качестве выводов, достойных включения в сего документированную «Гисторию Свейской войны».

В подтверждение сказанного выше можно привести ряд мест из переписки Петра I с Ромодановским о ходе следствия в 1708 г. над участниками астраханского восстания. 23 мая 1708 г. Ромодановский доносил Петру I: «По указу твоему Мусин сказал мне, что разыскивать астраханскими стрельцами. И я до сего указу разыскивал и ныне разыскиваю. А в распросах и у пытки спрашиваем: отчего бунт у них начался; так же, нет ли писем с Москвы каких повелительных к бунту от всякого чину, и тут же спрашиваем и о письмах, не писали ли от шведы, также и из иных государств к бунту. А стрельцы с пыткой винятца только в своем воровстве и в бунте. А в письмах не винятца, а говорят, что таких писем к ним возмутительных с Москвы ни от какого чину, и из иных государств не присыпывали... Заводчиков у нас в розыске явилось 16 человек, а впредь что явится, о том писать буду. Они же, стрельцы, с пыткой говорят на свою братию, и имена тех стрельцов у нас записаны. С ними же в заводчиках были те, [которые] теперь в Астрахани. Посыпать толи по них в Астрахань? А и достальные, которые в Астрахани оставлены, тех же стрельцов членов с 500 про всех сказывают, что все с ними в бунте были»¹³⁰.

В другом письме 1708 г. Ромодановский писал Петру I: «А в письмах к нам для возмущения бунту с Москвы от кого или из иных государств было ли, в том не винятца. Кроме того, что послано к Москве к твоей милости выписка о письме, в прежние почте, сызранца Барадулина с атаманом Носовым»¹³¹.

В третьем письме 1708 г. без даты было указано: «И об астраханских стрельцах по письму твоей милости послано два указа П. М. Апраксину, велено ему сделать против письма милости твоей каково прислано мне».

Розыск закончился высылкой стрельцов и их семей из районов Нижней Волги, что знаменовало полную ликвидацию астраханского стрелецкого войска.

V

К началу XVIII в. на территории Новгородского и Псковского разрядов дислоцировалось значительное количество стрельцов, пушкарей и пушкарских чинов. К ноябрю 1701 г. в 17 городах Новгородского и Псковского разрядов имелось 5374 человека служилых «по прибору» людей. Данные эти нельзя считать исчерпывающими, так как мы не располагаем сведениями по Печерскому монастырю, Навле, Красному городищу и Зубцову.

Стрельцы и служилые приборные люди Новгородского разряда, находившиеся непосредственно на театре военных действий и в ближайших

¹³⁰ ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. 2, д. 9, л. 784—784 об.

¹³¹ Там же, лл. 788 об.—789.

прифронтовых районах, широко привлекались к участию в боевых операциях.

В 1700 г. новгородские, псковские и пригородные стрельцы участвовали в походе под Нарву. В 1701 г. последовал указ «Новгородского разряда городовым стрельцам и казакам, и пушкарскому чину 2094 чел.: велено им, господину Апраксину и господину Щербатову, разобрать и которые в службу годятся, тем быть в полках по спискам и дать им великого государя жалование по окладам их. А которые в службу не годятся, тем жалованья не давать»¹³². Разбор Апраксина и Щербатова коснулся псковичей, пусторожевцев, навлян, лучан, торопчан, зубчан, ржевцев и служилых людей Водской и Шелонской пятин¹³³. Кроме того, «за походом» вскоре было мобилизовано 2467 стрельцов, пушкарей и казаков, пушкарских чинов из Твери, Новоторжка, Старицы, Торопца, Великих Лук и Зубцова¹³⁴. Следовательно, в течение первых двух лет войны основная масса стрельцов и других категорий «приборных» людей Новгородского разряда побывала на театре военных действий «до отпуска».

В 1701 г. был введен порядок, по которому на службу в действующую армию одновременно привлекалось 50% наличного контингента, который через шесть месяцев службы переменялся «своей братиею» из числа остававшихся дома. Делалось это главным образом для того, чтобы не оголять совершенно места постоянной дислокации стрельцов и других «приборных людей» на случай внезапного нападения противника. Кроме того, местная администрация была заинтересована в сохранении известного количества служилых «приборных» людей для всякого рода командировок, посылок и городовой службы¹³⁵.

В 1701—1704 гг. 1045 луцких, торопецких, ржевских, заволоцких и тверских стрельцов несли, переменяясь, гарнизонную службу в Олонце, Новгороде и Гдове. «А из Гдова были в плавном походе на Псковском и Чудском озерах и в Гдове же до отпуска»¹³⁶.

Очередная половина стрельцов, находившихся на службе в Опочке, Острове, Изборске, Красном, Гдове, Заводочье, Порхове, Луцке, Ржеве и Торопце, была переведена в 1704 г. в Дерпт. Из другой половины стрельцов тех же городов было велено пополнить два псковских стрелецких полка. Летом 1704 г. все они были переименованы в солдат¹³⁷.

Эта же судьба постигла вскоре стрелецкие полки Новгородского разряда, находившиеся в составе действующей армии.

В 1700—1706 гг. в действующей армии находились в различное время 13 стрелецких полков Новгородского и Псковского разрядов: Мирона Баишева, Федора Баишева, Юрия Вестова, Василия Казодавлева, Ушакова, Юрия Шкота, Юрия Полибина, Федора Кара, Анненкова, Ивана Яковleva, Захария Вестова, Бащмакова, Руха. В зависимости от областности эти стрелецкие полки принимали участие в боях под Нарвой, Гдовом, Дерптом или несли гарнизонную службу в Нарве, Ямбурге, Дерпте, Шлиссельбурге, а также использовались в качестве заслона на второстепенных участках военных действий. В 1704—1708 гг. все эти полки были расформированы или переформированы в солдатские и их личный

¹³² ЦГВИА, ВУА, д. 1434, лл. 12—13.

¹³³ ЦГАДА, Разрядные вязки, в. 24, д. 24, л. 1 об.

¹³⁴ ЦГВИА, ВУА, д. 1434, лл. 8 об.—10.

¹³⁵ ЦГАДА, Дела разрядные, д. 66, л. 147.

¹³⁶ Там же, л. 147 об.

¹³⁷ «Письма и бумаги Петра Великого», т. III, СПб., 1893, стр. 962—963; т. IV, ч. 1, СПб., 1900, стр. 101—102; «Тетрати записные», стр. 96.

состав превратился в гарнизонных солдат, расквартированных во вновь завоеванных или пограничных городах.

Переименование стрельцов в солдаты влекло за собой постепенный переход их семей в районы местонахождения отцов и мужей, а на месте прежней дислокации оставались только старые, отставные иувечные стрельцы и стрелецкие вдовы с детьми, которые все больше смешивались с посадским населением. Таким образом, в первом десятилетии XVIII в. с переводом все большего количества стрельцов и других «приборных» людей Новгородского и Псковского разрядов на положение солдат происходил неуклонный процесс их «размывания» как самостоятельной прослойки военных служилых людей и постепенный переход основной их массы в солдаты, а остальных — в посад.

По мере перехода на положение солдат бывшие стрельцы, пушкари и пушкарские чины постепенно уравнивались с ними в правах и жалование и превращались в военнослужащих регулярной армии. Положение наименее боеспособной части их, оставленной на прежней службе или вовсе отставленных от службы вследствие увечья и по старости, становилось все более тяжелым и порой приобретало прямо-таки трагический характер. В июле 1708 г. луцкие стрельцы и пушкари писали царю в своей челобитной: «Служили мы отцу твоему... Алексею Михайловичу и брату твоему... Федору Алексеевичу... и тебе, великому государю, стрелецкую службу, а мы пушкарскую, в городех и в полках многие годы с приездов и до отпусков. Да в прошлых, государь, годах, по твоему, великого государя, указу за наши службишки, за старости и за увечья, а иные за раны от твоей государевой службы отставлены под Ругодевом (Нарвой.—М. Р.) и во Пскове и в Капорье. Из того, государь, числа мы старые и увечные на Луках Великих, на караулах стоим, и в посылках по городу, и к Москве, и во Псков, и в Санкт-Петербург, и в Капорье, и в Смоленск, и в Польшу, и за город, и в уезд для управления твоих государевых всяких дел ходим непрестанно, и городовую работу беспрестанно работаем, также за колодники в провожатых... ходим. И помераем голодною и холодною смертью з женишками и з детишками своими, а твоего государева денежного и хлебного жалования нам с того числа, как мы отставлены от полковых служб, ничего нет»¹³⁸.

Процесс «размывания» стрельцов на территории Новгородского разряда затянулся на значительное время, но в основном он закончился к концу первого десятилетия XVIII в. Где в 1701 г. было 200 стрельцов, в 1706 г. осталось 17¹³⁹; в Торопце в 1701 г. было 370 стрельцов и пушкарей, в 1706 г. — 147, в 1710 г. — 102, а в 1711 г. был взят в солдатскую службу еще 41 человек¹⁴⁰. По данным Ландратской переписи 1718—1719 гг., в Торопце стрельцов вообще не указано, из чего можно заключить об их исчезновении к этому времени и превращении либо в солдат, либо в посадских людей. В Ладоге в 1701 г. было 100 стрельцов, в 1710 г. 89 из них было переписано в солдаты¹⁴¹.

После 1711 г. в архивных фондах Сената стрельцы и другие служилые «по прибору» люди, находившиеся на территории Новгородского и Псковского разрядов, больше не встречаются. Не исключена, однако,

возможность, что небольшая часть их продолжала существовать, так как в ряде случаев служилые люди старых служб проявляли исключительную «живучесть».

VI

Судьбы стрельцов и других служилых «по прибору» людей Севского и Белгородского разрядов весьма сходны между собой и вместе с тем весьма отличны от судьбы их астраханских и новгородских собратьев.

Военная необходимость вынудила петровское правительство широко использовать стрельцов, пушкарей и пушкарских чинов в качестве военных служилых людей. Вместе с тем принимались меры, чтобы исподволь подготовить упразднение их привилегий, когда военно-политическая обстановка станет более благоприятной.

Процесс этот наглядно можно проследить на примере путинских служилых людей Севского разряда. По данным переписной книги 1700 г., в Путинье числилось 413 стрельцов и других служилых приборных людей, из них 113 имели пашни, а 300 человек жили с денежного и хлебного жалования.

23 февраля 1700 г. в Путинль был прислан новый штат — «указное число», согласно которому количество служилых приборных людей было сокращено до 300. В этот штат были включены беспашенные стрельцы. В отношении не включенных в штат последовало распоряжение: «А до стольным великого государя денежного жалования на 1700 год и вперед давать, и в службе им быть, и на караул их посылать не велено. Велено их писать з земли, з детьми в платеж и поборы и всякие доходы с них имать против Белгородского полку городовых стрельцов для того, что за ними земля есть, а на 1700 год поборов с них и з детей их имать не велено для того, что им велено быть в Ряски (Ряжске.—М. Р.) у стругового дела»¹⁴².

В 1701 г. в отношении служилых людей Севского разряда последовало разъяснение: «В нынешнем 1701 году по указу великого государя велено Севского полку городов всяких чинов и ратных людей с рейтаров, и с копейщиками, и пешего строя с солдат, и с стрельцов и с казаков, и с пушкарей и пушкарского чину людям взять и вперед по вся годы имать вместо службы деньгами по указным статьям»¹⁴³.

Под указными статьями имелся в виду известный в исторической литературе указ от 30 октября 1699 г., относящийся к служилым людям Белгородского разряда¹⁴⁴. Указ этот предписывал с ратных людей Белгородского разряда, их детей и свойственников в возрасте и с крестьян их по 1700 г. вместо службы взять в казну: с рейтар и копейщиками — по 1 р. 50 к., с детей их — по 70 коп., с солдат городовой службы, стрельцов, казаков, пушкарей, пушкарских чинов — по 1 рублю, с их детей и свойственников — по 50 коп., а с крестьян всех указанных чинов — по 25 коп. со двора. Лица, бывшие на службе в 1699 г., от этого налога освобождались.

Указ 30 октября 1699 г. положил начало широко практиковавшемуся в первые десятилетия XVIII в. обложению специальным налогом военных служилых людей, не находившихся в действующей армии. Указ этот явился первым звеном в цепи мероприятий петровского правительства по

¹³⁸ ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. 2, д. 8, л. 952 об.

¹³⁹ «Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах», стр. 348—349.

¹⁴⁰ «Торопец (Материалы для истории города в XVII—XVIII вв.)», М., 1883, стр. 46—47.

¹⁴¹ ЦГАДА, Госархив, разр. XX, д. 16, ч. 1, л. 892.

¹⁴² ЦГАДА, Разряд, Столбцы приказных дел, д. 2588, л. 95.

¹⁴³ Там же, л. 96.

¹⁴⁴ I ПСЗ, т. III, № 1710.

постепенному переводу основной массы военных служилых людей южных разрядов на положение государственных крестьян-однодворцев.

В относящейся к 1702 г. челобитной путинльских пашенных стрельцов, не включенных в штат и поэтому освобожденных от службы и положенных в денежный платеж, говорится, что «по именному великого государя указу и по приказу из Разряду написаны они 125 человек земель в платеж з детьми и на всякие поборы, а в службе быть и на карауль и в посылки посыпать их и к посадским людем тягло писать не велено, а вместо службы с них и з детей их имать деньги против Белогородского полку городовых стрельцов, а на караулы и в посылки велено посыпать служилых людей, которые служат с денежного и хлебного жалованья»¹⁴⁵. Далее из челобитной видно, что хотя они и были выключены из штата и, следовательно, освобождены от службы, местная администрация продолжала относиться к ним так же, как и к служилым людям, находящимся на действительной службе, отчего «им без детей на данных своих землях за караулаами и за частыми посылками быть и работать при старости немоще и в платеже и всяких поборов платить будет нечего»¹⁴⁶.

Вместе с тем той категории служилых приборных людей, которая была включена в штаты, было значительно сокращено денежное жалованье.

Следующим шагом явился постепенный перевод всех военных служилых людей старых служб, не взятых в армию, на положение тяглых слоев населения.

В 1709 г. последовал указ в Севск и в города Севского разряда к воеводам «с остаточных ратных людей, которые за службами живут в домах, взять вместо службы за прошлый 708 и нынешний 709 гг. по указным статьям деньги: с конных — по полтора рубля, с детей их — по восеми гривен, с пешего строю — по восеми гривен, с детей их — по полтине»¹⁴⁷.

Сам по себе этот указ повторял указ 1699 г., но новым было то, что он распространялся не только на тех, кто не был на службе в 1708—1709 гг., а вообще на всех служилых людей. Поэтому путинльские стрельцы и другие военные служилые люди обратились в Разрядный приказ с челобитной, в которой указывали, что они в 1708 г. «были на службе в Белгороде для осторожности от неприятельских людей, а в нынешнем 709 году высланы они в Киев для городового строения». Далее они жаловались, что, несмотря на это, с них берут деньги по указным статьям независимо от того, были или не были они на службе и не делая различия между ними и крестьянами. «Ныне, — писали они, — прислан с Москвы из провинского приказу Елисей Панютин и правит на них провиант против поместиковых крестьянских дворов по 3 четверти ржи на дачу московским стрельцам, которые ныне в Путинле живут в домех, да их же по отпискам из армии высыпают в Белгород с правиантом на своих подводах, да с них же берут подо всякую казну подводы по все дни. А которые были у них дети, и тех обрали в драгуны и солдаты». Челобитчики просили «за многие службы» избавить их от незаконных поборов¹⁴⁸. Однако то, что могло казаться путинльским военным служилым людям произволом Елисея Панютина или кознями местной администрации, на самом деле являлось планомерно проводимой политикой, направленной против их веками сложившихся привилегий и вольностей.

¹⁴⁵ ЦГАДА, Разряд, Столбцы приказных дел, д. 2588, лл. 96—97.

¹⁴⁶ Там же, л. 97.

¹⁴⁷ ЦГАДА, Разрядные вязки, в. 1, ч. 2, д. 142, л. 3.

¹⁴⁸ Там же, лл. 3—4.

Теперь обратимся к судьбе стрельцов и пушкарских чинов остальных городов Севского разряда. По данным Разрядного приказа, в 1703 г. в семи городах Севского разряда числилось 1388 служилых «по прибору» людей, в том числе в Севске — 100 стрельцов, в Рыльске — 200, в Брянске — 300 стрельцов и 100 пушкарей, в Белеве — 25 стрельцов, служивших с земли, и 53 пушкаря, в Валуйках — 93 пушкаря, в Болхове — 53 пушкаря, в Карабче — 54 пушкаря¹⁴⁹.

В 1702—1704 гг. в Севском разряде были сформированы пять стрелецких полков; из них два полка были посланы в Саксонию, один в 1705 г. был переформирован в солдатский, а два просуществовали в качестве стрелецких полков до 1711 г., когда были расформированы.

Что касается городовых стрельцов, то о них известно следующее. В 1700—1706 гг. по 200 путинльских стрельцов, переменившись, несли службу в Новобогородице на Самаре. В 1703 г. севские, рыльские и брянские стрельцы были в Киеве, болховские и белевские пушкари — в Переяславле, а карачевские пушкари — в Чернигове, где несли гарнизонную службу и выполняли всякой рода городовую работу. В 1704 г. болховские, белевские и карачевские пушкари были переписаны в солдаты и зачислены в полк Андрея Митчеля¹⁵⁰. Севским, рыльским и брянским стрельцам было велено быть на смотре, производимом начальником Севского разряда воеводой С. П. Неплюевым. Для определения их пригодности к полковой службе были созданы две разборные комиссии: для севских, рыльских и брянских стрельцов и пушкарей — комиссия во главе со стольником М. Ртищевым и для путинльских стрельцов — комиссия во главе с самим Неплюевым¹⁵¹.

В результате смотра были выбраны и записаны в солдаты 723 севских, брянских и рыльских стрельцов и брянских пушкарей и 53 карачевских и болховских пушкаря. С 1704 по 1708 г. все они были в составе корпуса С. П. Неплюева в Польше и на Украине. 24 июня 1708 г. последовал указ из Разряда в Ратушу «Севского разряда стрельцов и пушкарей: севских 135, брянских 142, путинльских 146, рыльских 57, да брянских же стрельцов и пушкарей 17 человек, которые у городового дела его, великого государя, жалование на прежний 1707 г. послать в полк к думному дворянину С. П. Неплюеву из Ратуши»¹⁵².

В 1711 г. по Севску числилось 89 пушкарских дворов и в них 163 человека. Из переписных книг по Севску видно, что пушкари служили с пашней земли: «по писцовой даче 131 г. дано им около города Севска по 11 четвертей в поле..., сенных покосов — по 11 копен»¹⁵³. Далее шли севские стрельцы и солдаты, которые служили с денежного жалованья, «а ныне оной дачи им не бывает»; 180 чел., которые на службе, и 242 чел., которые не состоят на службе. Кроме того, в Севске находилось «московских разных полков прежние стрельцы 12 человек... Алексеева полку Сухарева, Стрелецкая слобода, которые присланы с Москвы с 192 году и устроены в Севске на вечное житье, а по нынешней переписке в той слободе налицо...», кроме тех, которые на службе 554 человека»¹⁵⁴.

Ландратская переписная книга 1718 г. по Белеву свидетельствует, что к этому времени в городе числилось пушкарей 22 двора, в них 59 человек,

¹⁴⁹ ЦГАДА, Дела разрядные, д. 56, лл. 151, 195, 196.

¹⁵⁰ Там же, л. 198.

¹⁵¹ Там же, лл. 91—94, 152—154.

¹⁵² ЦГАДА, Разрядные вязки, в. 46, д. 60, л. 25.

¹⁵³ «Труды Орловской ученой архивной комиссии», вып. 3, Орел, 1891, стр. 64—65.

¹⁵⁴ Там же.

в том числе положено в оклад 26 человек, которые должны были платить 29 руб. 13 алтын 3 деньги (в подушный оклад были положены все взрослые пушкари); стрельцов — 11 дворов, в них 27 человек, положены в оклад все, сумма оклада — 15 руб. 20 алтын (поскольку возраст положенных в оклад стрельцов и пушкарей колебался от 40 до 55 лет, можно предположить, что более молодые были в армии, вероятно, в солдатах); воротников — 4 двора (8 человек), положены в оклад все взрослые, сумма оклада — 4 рубля¹⁵⁵.

Относительно Белгородского разряда при определении количества служилых «по прибору» людей в качестве исходных данных можно принять цифру, указанную Есиповым по 80 городам Белгородского разряда и 28 великокорсийским городам. В 1700 г. в этом районе было 7808 служилых «по прибору» людей, в том числе 5188 стрельцов, 2384 пушкаря, 236 затинщиков, воротников, рассыльщиков и прочих пушкарских чинов¹⁵⁶. Судьба их, первоначально в значительной мере сходная с судьбой астраханских и новгородских стрельцов, в конечном счете сложилась иначе.

К 1698 г. в составе Белгородского разряда было 10 стрелецких полков. После московских и азовских событий пять из них были вскоре расформированы. Два полка с начала Северной войны были отправлены на театр военных действий, где в 1706 г. они были расформированы, а люди влиты в Каргопольский солдатский полк. Три полка несли до 1711 г. гарнизонную службу в Киеве.

В течение первых лет Северной войны в Курске было сформировано пять новых стрелецких полков. К 1711 г. все они были расформированы и стрельцы из этих полков были превращены в солдат. К 1718 г. стрельцы в Курске и Курской провинции почти исчезли. Данные этого года отмечают всего 99 стрельцов, в том числе 62 годных к службе, и 20 пушкарей (половина из которых была непригодна к службе)¹⁵⁷.

Примерно так же сложилась судьба стрельцов трех полков, несших гарнизонную службу в Киеве. К 1701 г. они насчитывали 1680 московских стрельцов. В 1703 г. из них были изъяты почти все боеспособные московские стрельцы и отправлены в действующую армию. Полки были доукомплектованы городовыми солдатами и городовыми стрельцами, которые служили в них, переменяясь «своей братией» через каждые полгода. Сохраняя наименование стрелецких, эти полки фактически представляли собой сборные гарнизонные части, по составу ничем не отличавшиеся от расположенного в Киеве жилого солдатского полка¹⁵⁸.

Деление войск киевского гарнизона на солдатские и стрелецкие полки носило чисто формальный характер и было обусловлено соображениями фискального порядка, так как стрельцы получали меньшее жалование и им было невыгодно присваивать солдатское звание.

В 1711 г. все киевские стрелецкие полки были переименованы в солдатские и отправлены в действующую армию.

О дальнейшей судьбе московских стрельцов, выведенных из Киева, известно очень мало. Некоторый свет проливает на этот вопрос следственное дело 1718 г. об отказе бывших киевских стрельцов присягать царевичу Петру Петровичу¹⁵⁹. Обстоятельства дела довольно любопытны,

так как они дают известное представление о политических настроениях бывших киевских стрельцов после того, как они были переименованы в солдат.

26 марта 1718 г. сержант 6-й роты Н. Григорьев донес по команде, что слесарь Федор Реткин не пошел в церковь присягать царевичу Петру Петровичу и «ему, сержанту, говорили: ежели де будут подписываться ты де, господин сержант, вместо меня не подписывайся». В тот же день поступило донесение от сержанта 7-й роты Никифорова о том, что «оной роты солдат Петр Галкин мне говорил: ты де, сержант, вместо меня руки не прикладывай»¹⁶⁰.

Местное начальство было не на шутку напугано этим происшествием. Реткина и Галкина немедленно арестовали, и следствие по их делу повел сам киевский обер-комендант генерал Геренк. На допросе Реткин и Галкин признались в том, что во время чтения манифеста о царевиче Алексее Петровиче и о назначении наследником престола царевича Петра Петровича они «меж собой двое говорили: ежели де царевичу Алексею Петровичу во веки царем не быть, мы де в том рук прикладывать не будем»¹⁶¹.

В дальнейшем после допроса «с пристрастием» Реткин сознался в мотивах своего решения: «Для того,—показывал он,—сказывал де ему за киевскими воротами..., том назад с недели полторы, одному москвичу, который приехал для платежу правянту, что наставляют де меньшова царевича Петра Петровича на царство и в том в Москве многие не подписывались»¹⁶². Далее Реткин пояснил, что это произошло «для того, что до прежнего большими царевичами от наследства не отставливали»¹⁶³. Все попытки киевского начальства установить личность москвича, с которым беседовал Реткин, не привели к успеху.

По требованию из Канцелярии тайных розыскных дел обвиняемые были отправлены в Москву, причем в препроводительном документе генерал Геренк доносил, что по данному делу он «розыскивал с пристрастием и ево, Реткина, пытали, а с пытки он сказывал то же, что и прежде, якобы того москвитина он, Реткин, не знает и где он,—не ведает»¹⁶⁴.

26 ноября 1718 г. Реткин и Галкин были допрошены в Канцелярии тайных розыскных дел ее начальником Ушаковым. На этом допросе сразу же выявилась существенная деталь прошлого обвиняемых, на которую, очевидно, не обратили внимания в Киеве. Галкин показал, что «он прежде сего был в Нечаеве полку стрельцах, а потом написан в солдаты и служил в полку Кошелева». То же показал и Реткин: «был де он прежде всего в стрельцах, в Григорьеве полку Анненкова, а потом тот их полк написан в солдаты». В дальнейшем Реткин продолжал свою службу в полку Кошелева.

С 28 ноября по 10 декабря 1718 г. Реткина и Галкина неоднократно пытали и вновь допрашивали. Однако они держались очень стойко и ничего не признавали сверх ранее показанного. 10 декабря Ушаков вынес приговор: «Солдатам Федору Реткину и Петру Галкину за их противность к царскому величеству, что они, презрев его, царского величества указ, в наследствии государству сыну его царевичу Петру Петровичу вместо себя к присяге подписыватца не велели, учинить смертную казнь

¹⁵⁵ «Белев (Материалы из истории города в XVI—XVIII вв.)», М., 1895, стр. 79—80.

¹⁵⁶ Г. Еси́пов. Собрание выписок из архивных бумаг о Петре Великом, М., 1872, стр. 277.

¹⁵⁷ ЦГВИА, ф. 1, оп. 3, св. 39, д. 39, л. 54; ЦГАДА, Госархив, разр. ХХ, д. 56, л. 4.

¹⁵⁸ ЦГАДА, Дела разрядные, д. 56, л. 55.

¹⁵⁹ ЦГАДА, Госархив, разр. VI, д. 28, лл. 3—36.

¹⁶⁰ ЦГАДА, Госархив, разр. VI, д. 28, л. 3.

¹⁶¹ Там же, л. 4.

¹⁶² Там же, л. 6 об.

¹⁶³ Там же, л. 17..

¹⁶⁴ Там же, л. 11.

в Киеве пред тем полком, в котором они написаны были в солдаты, чтоб, на то смотря, другим того чинить было не повадно».

В 1719—1725 гг. основная масса стрельцов была положена в подушный оклад, утратила свое наименование и превратилась в однодворцев. Однако некоторая часть из них продолжала существовать по-прежнему в виде разновидности служилых людей старых служб.

В 1727—1728 гг. мы встречаем городовых стрельцов в Воронеже, Верхосенске, Коротояке, Ольшанске, Усерде, Ельце, Талицком остроге, Чернявске, Данкове, Ефремове, Лебедяни, Тамбове, Инсаре, Шапке, Керенске, Темникове и Землянске¹⁶⁵. Во всех этих городах стрельцы несли гарнизонную службу.

* * *

Итак, политика петровского правительства по отношению к стрельцам определялась двумя моментами. Во-первых, правительство беспощадно пресекало всякие попытки консервативного боярства использовать стрелецкое войско в качестве орудия для ликвидации петровского режима, уничтожения его преобразований и восстановления старых, отживших порядков. Вместе с тем оно видело в стрельцах вооруженную силу, которую можно было использовать как для борьбы с внешними врагами, так и для удержания в повиновении трудящихся города и деревни. Этим объясняется кажущаяся противоречивость в политике петровского правительства по отношению к стрельцам: с одной стороны, жестокие расправы над руководителями и активными участниками заговоров и мятежей, грозные указы о роспуске стрелецкого войска, изданные в 1698—1699 гг., а с другой — тот факт, что, несмотря на все эти указы, большинство московских стрелецких полков просуществовало до 1713 г., а городовые стрельцы пережили Петра I.

Конкретные условия начального периода Северной войны вынуждали петровское правительство сперва замедлить, а затем совершенно прекратить начавшуюся после подавления мятежа 1698 г. ликвидацию стрелецкого войска. Были не только реставрированы, но и сформированы вновь на прежних основаниях многие стрелецкие полки. Были восстановлены права и привилегии стрелецкого войска и официально преданы забвению «шатости» стрельцов во время мятежей конца XVII в. Стрельцы юридически были уравнены в правах с солдатами, хотя правительство упорно отказывалось приравнять их к регулярным войскам в отношении размеров хлебного и денежного жалованья.

В первом десятилетии XVIII в. многие стрелецкие полки довольно широко использовались для действий на второстепенных театрах войны, главным образом для несения гарнизонной службы и охраны коммуникаций.

Наиболее боеспособные стрелецкие полки участвовали в ряде ответственных операций (под Нарвой в 1700 и 1704 гг., под Биржей в 1703—1704 гг., в саксонском походе 1703—1706 гг., в боях на территории Польши, Белоруссии и Украины в 1705—1709 гг., в Полтавской битве в 1709 г., под Выборгом и в Прутском походе 1711 г.). Поскольку боеспособность стрелецкого войска не вызывала сомнения, петровское правительство, первоначально закрывавшее политически неблагонадежным стрельцам доступ в регулярную армию, в ходе Северной войны пересмотрело свою точку зрения. Происходит своеобразная амальгама стрелецкого

войска и регулярной армии, в результате чего наиболее боеспособные кадры стрелецкого войска были поглощены регулярной армией и превратились в солдат.

Лютая ненависть петровские преобразования, стрельцы сделались оружием боярской консервативной оппозиции и стали на путь разнообразной подрывной деятельности. Потерпев поражение в открытой борьбе, понимая невозможность свержения петровского режима силами одного лишь стрелецкого войска, стрельцы становятся непременными участниками почти всех крупных заговоров и мятежей начала XVIII в. и особенно астраханского восстания 1705—1706 гг. Но даже примыкая к народным движением, они боролись за свои узко кастовые интересы.

Поскольку все расчеты на привлечение на свою сторону стрельцов оказались ошибочными, петровское правительство приступило к свертыванию стрелецкого войска. Отказавшись от немедленного расформирования всех стрелецких полков, правительство исподволь подготовило ряд мер по постепенной ликвидации стрелецкого войска. Прежде всего была сокращена его численность путем переформирования ряда стрелецких полков в солдатские, вовлечения наиболее боеспособных и благонадежных стрельцов в регулярное войско и запрещения приверстывать на их места новобранцев. Далее было проведено сокращение штатной численности городовых стрельцов. Одновременно с этим шло постепенное фактическое уравнение стрельцов с посадскими тяглецами.

Требуя от стрельцов выполнения почти в прежнем объеме их обычных обязанностей, центральная и местная администрация под различными предлогами задерживала, сокращала и, наконец, совершило прекрасила выдачу им хлебного и денежного жалованья, урезывала, а порой отнимала у стрельцов их служилые земли, облагала налогами лавки и промыслы, привлекала стрельцов к выполнению всякого рода посадских поборов и повинностей. И все же процесс ликвидации стрелецкого войска затянулся почти на два десятилетия и не был полностью завершен к моменту смерти Петра I.

¹⁶⁵ ЦГАДА, Сенат, оп. 7, д. 111 (482), лл. 606—618; оп. 13, д. 13 (695), лл. 603—605.